

Ю **Мargarита**
Жина
АЛЬФОНС
НЕЧАЯННО
НАГРЯНЕТ

Маргарита Южина

Альфонс нечаянно нагрянет

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161131
Южина М. Альфонс нечаянно нагрянет: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-16840-0

Аннотация

У подружек Василисы Курицыной и Людмилы Петуховой необыкновенный дар – их всегда тянет туда, где совершаются преступления! Они появляются в самой гуще событий и начинают расследование. А милиции остается только отдыхать. В этот раз, желая подработать затейницами на свадьбе, дамы обнаружили... труп невесты! Правда, гости им не поверили и за такую клевету выставили вон из квартиры. Затейницы, которые видели в свадебной машине окровавленное тело в белом платье, удивились – вот так ошибочка... Но через некоторое время эта невеста действительно представилась. А вслед за ней и жених – кто-то прикончил бедолагу. Сыщицы взволновались не на шутку – и давай действовать так активно, что пух и перья полетели!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Маргарита ЮЖИНА АЛЬФОНС НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ

Глава 1

Черный язык, или Новогодний сюрприз под фатой

Последний понедельник года случился нудным и тягостным. Во всех коллективах уже вовсю царила предпраздничная суета. Начальники, как гусаки, клином потянулись на заграничные юга, пить шампанское под пальмами, а простые сотрудники хлопотали возле казенных елочек, в предчувствии грандиозных вечеринок бегали по парикмахерским, по магазинам и впрок запасались спиртным. Работой грезили только совсем закаменелые и бесчувственные единицы.

Как ни горько признавать, но Александр Сергеевич Петин был именно такой единицей.

– Нет, ну объясните мне! Что же у нее за белье такое, у этой Коневой И.Т., если его воруют по три раза на неделе?! – нервничал он, бросая гневные взгляды на двух своих сотрудниц.

Изначально его частное детективное агентство предполагалось заполнить молодыми поджарыми сыскарями, которые по одному лишь взгляду вычисляют убийц и ловят их буквально косяками, как рыбаки мойву. Однако со штатом не заладилось – не держались талантливые сыщики на мизерной зарплате. Да и с интересными, загадочными делами никто сюда не торопился. Клиентов не было. Александр Сергеевич даже подумывал, может, это из-за названия агентства? Свое детище Петин назвал в честь родного города, из которого приехал сюда уже около двадцати лет назад. Агентство называлось тепло и по-домашнему – «Тюмень». Правда, красноярские патриоты вероломно поменяли букву на вывеске, и теперь детективная контора называлась не так звучно – «Тюлень». И сколько Петин ни менял букву, на вывеске каждое утро опять красовалось название толстокожего животного. Вероятно, это отпугивало и посетителей, и ценных работников. За столом в кабинете сидели только две сухонькие дамы, которые старательно претендовали на звание львиц российского сыска. Перед ними-то и скакал сейчас возмущенный Александр Сергеевич, пытаясь повергнуть дам в трепет.

– Я попрошу сосредоточиться и подумать! И так! Мы имеем белье! Его воруют, а несчастная потерпевшая Конева несется к нам за помощью! И прошу заметить, уважаемые коллеги, она платит! А мы ей еще ни разу этого белья не вернули!

Уважаемые коллеги – две тщедушные дамы бодрого пенсионного возраста, – Василиса Олеговна Курицына и Людмила Ефимовна Петухова, изо всех сил пытались сохранить на лицах сосредоточенность. У Василисы получалось лучше, потому что она с самого начала не собиралась думать о каких-то там коневских тряпках, а всю строила глазки начальнику и придумывала, как бы половчее попроситься к нему домой на новогодний огонек. Ей верилось, что у них начинается бурный производственный роман. Иначе зачем она напяливала на себя капроновые чулки в сеточку, когда на дворе минус двадцать четыре?! У Люси никакого праздничного стимула не имелось, и потому она бесстыдно клевала носом аккуратно прямо в пепельницу Александра Сергеевича.

– Я таки просто не представляю, где нам искать преступника! – метался по кабинету тот, широко размахивая длинными руками. – Все же Конева – наш постоянный клиент, и мы обязаны... Давайте думать логически. Вот вы, Василиса Олеговна, представьте, что у вас регулярно крадут с веревки нижнее белье...

Василиса Олеговна примерно сложила губки пупочкой, поправила жиденский пучок локонов и благочестиво кивнула.

– И на кого вы, Васи... Людмила Ефимовна! Чего вас так разобрало? По-моему, мы разбираем серьезнейшее дело! Прекратите трястись от смеха и давайте рассуждать!

Начальник уставился на Люсю и затрепетал ноздрями. Та

самоотверженно пыталась справиться с весельем – зажимала рот ладошкой, но смех выходил носом каким-то непотребным хрюканьем, и все это в самый разгар совещания!

– Простите, – мгновенно посерьезнела Люся. – Я, кажется, пока не могу рассуждать. Я еще не сумела представить, что кто-то позарится на Васины... И вообще! На кой черт Васенька, пардон, свои панталоны на улицу сушить потащит?

Петин учуял свежую мысль, и потому рот его открылся, а по лбу в изумлении заскакали брови. Он кошкой кинулся в свое кресло, опрокинулся в него всем длинным телом, ухватил себя за подбородок и загнузил:

– А это идея! И ведь правда – зачем она его снова и снова вывешивает в этот двор? А на балконе оно что – не высыхает? Василиса Олеговна?! У вас сохнет?

– Сохнет, – все так же прилежно поправляла пучок кудряшек Василиса. – Я вот, например, свое... кружевное французское белье всегда только на балконе сушу. Дома ведь тоже, знаете... один раз оставила, так его собака сожрала. С этим бельем такая морока, особенно если дорогое, и вообще...

– Так вот! – шлепнул о стол серой папкой начальник, на полуслове оборвав басни Василисы о Франции. – Это дело с барахлом... с тряпками... с бижу... о черт! С бельем этим!! Конечно, дело серьезное, но... я доверяю его вам! А у меня тут еще кое-какие бумажки накопились, да к тому же...

Чего там говорить, Александр Сергеевич давно мечтал о

красивом, запутанном деле, о котором можно будет рассказать внукам и прославиться на местном телевидении, а с этими, pardon, рейтузами какая может быть слава?

– Ой! – вдруг резво подскочила Люся. – А ведь я не могу! Нет, ну правда, я понимаю: дело Коневой жутко заковыри-стое, преступник просто-таки коварно раздевает даму, сры-вает одежды с веревок, и нет ему пощады! Но я его искать никак не могу, вы же знаете, у меня дочь наконец решила замуж выйти официально, свадьба у нее! И мне просто никак... я должна взять отпуск за свой счет! Прямо так жалко, так жалко, дело-то какое интересное... Кстати, Александр Сергеевич, во всех законах написано – на свадьбу надо дать не меньше трех дней.

– Куда?! – рявкнула Василиса, забыв красиво поставить голос. – Это если у тебя свадьба, тебе обязаны дать, а если у дочери, то ничего не полагается!

Люся вяло вздохнула и взглянула на подругу измученно и устало:

– Васенька, ты что, не знаешь Ольгу? Я ее буквально должна водить за руку, чтобы она не передумала и до загса не удрала опять в какую-нибудь Канаду.

– У нее же свадьба еще через месяц с лишним!

– Спасибо, родная, – мило улыбнулась Люся и тут же обернулась к Петину. – Значит, Александр Сергеевич, мне отпуск нужен на два месяца.

– Позвольте, но...

– Нет-нет, зарплату начислять не нужно, – замахала ручкой Люся и заторопилась из кабинета.

Василиса в гневе прищурила глаза и испепелила взглядом закрывшуюся дверь. Начальник сурово крякнул, поковырял длинным пальцем ухо и еще более официально обратился к Василисе:

– Итак, продолжаем. Значит, послушайте...

– Нет уж, это вы меня послушайте... – плюнула на погибающий роман Василиса.

Она шла домой, сурово сдвинув брови, и кипела от возмущения. Конечно, если бы не ее пылкие чувства к этому сухарю, она и неделю бы не продержалась в таком унылом месте. А ведь как звучно называется – частное разыскное агентство! Фи! Да они с Люсей без всяких агентств такие дела раскручивали – не чета этим свистнутым лифчикам! Они таких мудреных убийц отыскивали, что даже Пашка – взрослый сын Василисы, который работает в милиции, даже он за голову хватался! И сам Александр Сергеевич подруг уговорил идти к нему работать, после того как они запутанное преступление быстрее его раскрыли! А теперь – белье Коневой! Да они с Люсей уже две недели назад все выяснили: эта Конева – бывшая теща Александра Сергеевича, он с ее дочерью еще в прошлом веке разошелся, а тещенька не знает, как ему насолить, вот и носится со своим тряпьем. Ничего приличнее придумать не могла, прямо совсем у женщины с

фантазией катастрофа. Только Петин в это верить никак не хочет. Ну да с ним понятно, но вот Люся! Такого предательства с ее стороны Василиса не ждала. Нет, у нее и в самом деле Ольга выходит замуж, но ведь это еще не повод вот так бросать верную подругу в каком-то агентстве! Между прочим, Василиса, конечно, приглашена на торжество, и ей тоже надо сбегать в парикмахерскую, в магазин, выбрать себе наряд и даже, может быть, новую косметику! Вон сколько сейчас развелось недорогой продукции, просто вся кожа чешется от нетерпения! А Люся...

Василиса даже в магазин не стала заходить, хотя сегодня была ее очередь покупать продукты. Они давным-давно уже проживали с Люсей в квартире Василисы Олеговны, а свободную квартиру Петуховой сдавали в аренду. Ели вместе, вместе воспитывали избалованного кота Финли и черного терьера Малыша, вместе платили за всякие там коммунальные услуги и даже с тремя внучками Василисы возились вдвоем. А вот сегодня Люсенька раз – и бросила свою подругу с этим треклятым бельем!

– Сейчас, сейчас открою! Васенька, это ты? – как ни в чем не бывало пищала Люся за дверь, пока Василиса Олеговна злобно долбилась кулаком. – Ой, а я думала, ты еще работать будешь...

Василиса скинула сапоги, шапочку, плюхнула на руки подруги шубу и легкомысленно отмахнулась:

– А чего мне работать... Я уговорила Петина, чтобы он

на тебя это дело повесил. Ну, я имею в виду Коневу с ее ветошью.

– Позво-о-оль! Почему это опять на меня?! – вытаращив глаза, в ужасе прошипела Люся. – Я так хорошо придумала! Да мне и некогда... у меня же... мне надо готовиться... я не могу, лучше ты сама!

Люся просто задохнулась от возмущения, однако у Василисы имелись более веские аргументы в свою пользу.

– Люся! Нужны деньги, и поэтому мне предстоит настоящая работа, а не эта... лошадиную сбрую разыскивать, – сурово выдохнула она. И уже совсем свирепо добавила: – Для тебя, Люся, деньги!

Людмила Ефимовна проглотила приготовленную тираду, и в груди у нее трепыхнулось недоброе предчувствие.

– Вася, зачем тебе для меня деньги? – с тревогой заглянула она в глаза подруге. – У меня что-то случилось?

– На свадьбу Ольге...

Василиса уселась на диван и тоскливо уставилась в угол, где бодро барахтался паук, решивший перезимовать в благоустроенной квартире. Паука давно надо было изгнать венником, но Василиса боялась всяких насекомых, а Люся просто не могла достать его из-за своего маленького роста. И по молчаливому согласию было решено считать, что паука не существует вовсе, авось летом и сам на природу переберется.

– Вася, – еще трепетнее спросила Люся, присаживаясь рядом, – а для чего мне деньги на свадьбу?

Василиса взглянула на подругу, молча прижала ее голову к своей тощей груди и, словно мать дочери, сказала:

– Люсенька, ну вспомни, в чем ты собиралась идти на свадьбу к единственному ребенку. Только не говори, что ты хочешь натянуть этот пошлый розовый костюм в диких рюшах! Я тебя умоляю, не напоминай мне этот кошмар, эту вульгарную пижаму! Ты же не совсем шизофреничка, чтобы вырядиться в него на бракосочетание Ольги! Так и знай, если его нацепишь, я просто не пойду на свадьбу. Была нужда позориться с тобой!

Люся поперхнулась и обиженно заморгала. Именно в розовый костюм она и собиралась вырядиться. Мало того, они вместе с Василисой выбирали его в дорогом магазине, перемерили кучу тряпья, и только по настоятельному требованию подруги Люся отважилась купить этот брючный костюм, потому что стоил он как раз две их пенсии. Тогда Василиса от умиления закатывала глаза, хваталась за сердце и постоянно приговаривала: «Девочка! Просто девочка! Он тебя молодит так, будто ты только вчера из роддома! Если его не купишь, я на свадьбу не пойду, так и знай!». И вот теперь опять «Не пойду»?

– Ну что ты вытаращила на меня, горе мое? – начала нервничать Василиса. – Да! Это я предложила тебе его купить, но ведь это было месяц назад! Посмотри в окно – теперь в таких костюмах весь город ходит!

– А я думала, люди в шубах ходят, – пробормотала Лю-

ся. – Сейчас же декабрь...

– А под шубы ты не заглядывала? А я вот не поленилась – заглянула! Все в таких костюмах! Прямо неудобно за тебя, в самом деле! Будешь как яйцо в ячейке – десятками в ряд!

В действительности вовсе не это тревожило Василису Олеговну. По своей, нет, не халатности, а излишней расторопности она решила новенький костюм оросить антистатиком, чтобы не лип к телу. Ну, конечно, она его в тот момент примеряла, и Люси не было дома. А костюмчик, мало того, что был нещадно ей коротковат, так еще и лип ко всем частям тела. Василиса и решила сделать доброе дело – побрызгать его «Ланой». Однако ей под руку подвернулся не тот баллончик. Ну, и разве Василиса виновата, что это оказалась краска для меха? Конечно, потом срочно пришлось стирать, отпаривать, стало еще хуже... Короче, чего там говорить, вон он, тот костюмчик, в диване лежит, не дай бог Люся увидит, так завопи-и-ит... Нет, никто не спорит, людям свойственно громко возмущаться, даже иногда полезно, Василиса, например, всегда так делает. Но вот всем можно, а Люсе категорически запрещено! Отчего-то на ее крик всегда все напасти слетаются. Василиса Олеговна не очень-то верила в приметы, но уж если Люся орет, так это даже не примета, это вполне реальное штормовое предупреждение. И ведь какие неприятности! Ладно бы там саму Люсеньку с аппендицитом прихватило или блохи у Финли обнаружались, это еще как-то можно пережить, но ведь такое наваливается, даже вспом-

лось отцепиться от взбешенной подруги, она отскочила за кресло и там уже дала волю легким: – Люди добрые!!! Вы на нее посмотрите!!.. Господи, и откуда в тебе силы-то столько?.. Э-эй! Соседи!! Я еще раз повторяю!!! Люди добрые!!! Вы посмотрите на эту мешчанку!!! Из-за какой-то тряпки она чуть не угробила единственного порядочного человека – меня!!..

Для верности Василиса долбанула в стену и рыкнула:

– Танька!! Спишь, что ли?!! Кому я тут ору?!. Я говорю – посмотри на свою соседку Люсеньку!! Ишь как разоралась из-за куска тряпки!

– Да я!..

– Ладно, из-за двух кусков! – не давала вставить ей слова Василиса. – И все равно! Чего орать?! Ты что – вчера родилась? Не знаешь, что тебе вообще рот нельзя раскрывать?! Ты забыла, как мы потом мучаемся?! А у тебя еще и дочкина свадьба на носу!

– И что же теперь...

– Молчи, злодейка!! – распалаясь Василиса. – Хочешь собственной дочери неприятности накликать?! Хочешь-хочешь! Я слышала, как ты только что орала! И ведь еще и душить меня кинулась, а у меня и так шейка тоненькая! Чуть голова не отломилась! Нет, ну надо же до такого дойти!..

Люся и сама знала, что кричать ей нельзя. А она взяла и разоралась. Да еще и на Ваську кинулась. Нет, той давно пора шею открутить за такие художества, но ведь можно было

молча... Теперь вот сиди и думай – с какой стороны беды ждать...

Люся так расстроилась из-за костюма, из-за себя, что уткнулась в диван и разревелась громко, от души, с подвыпаниями.

К ней тут же подбежал здоровенный черный терьер, завертел обрубок хвоста и, как умел, принялся утешать – то есть лизать хозяйку везде, где достанет язык.

– Люся, ты не печалься, – присела рядом Василиса. – Ну, угробила я твой наряд...

Люся взвыла еще громче.

– ...Ну так ты в нем все равно хреново выглядела, честно тебе скажу. Прямо маленькая какая-то, словно карлик. Ни кожи ни рожи, прости господи... И толстая. И руки почему-то кривые... А, ну да, ты ж на баяне играешь. И еще у тебя ноги в том костюме тоже кривые...

– Ну чего врешь-то? – подняла из подушки лицо Люся. – Там же брюки, не видно ни фига.

– А у тебя, Люся, по лицу видно, что ноги кривые. Но только в том костюме! – торопливо добавила Василиса. – Короче, хватит реветь, мне тут работка подвернулась. На свадьбу приглашают в эту субботу. Так что забудь про «Тюленя», садись за баян гаммы повторять.

Подруги в прошлом довольно часто подрабатывали на свадьбах – Василиса слыла замечательной тамадой, а Люся талантливо играла на баяне. В последнее же время в силу

некоторых обстоятельств они возомнили себя способными сыщицами и проводить свадьбы просто не успевали. Но теперь, когда Люсина дочь Ольга всерьез настроилась сменить фамилию, Василиса решила, что пора потряхнуть стариной, провести, так сказать, генеральную репетицию. Да и деньги Люсе на костюм надо было заработать, как-никак негоже выставлять мать невесты в чем придется, Люся должна блистать!

– Давай доставай баян, я сейчас фугу повторю! А то уже пальцы совсем отвыкли. Чего раньше молчала? У кого свадьба? Сколько человек? Что за люди? – всполошилась Люся и вдруг осела: – Ой, а как же в субботу? В эту субботу Новый год.

У Василисы округлились глаза, потом она запыхтела, поджала губы и постаралась быть вежливой:

– Скажи, Люся, а какое отношение ты имеешь к этому святому празднику?! Не далее как год назад ты мне поклялась вычеркнуть эту дату из своего календаря. Ты что, не помнишь, как в прошлый год неделю крутилась на кухне и ровно в одиннадцать обняла единственную бутылку шампанского и брыкнулась спать? И испортила мне все заслуженное веселье, да! Ты забыла? А я... – подруга горестно всхлипнула.

Люсе стало неловко. Она и правда ничего не помнила, однако Вася ей рассказала.

– Но я ведь встала в двенадцать... – слабо оправдывалась она.

– Да! Ты встала! – вспомнила бывшую горечь Василиса Олеговна. – Ты прямо-таки вскочила! Потому что я тихонечко сняла проволоку с бутылки! И шампанское шархануло прямо у тебя в объятиях! Ой, как вспомню!.. Малыш скачет! Финька за пробкой носится, а ты вся в пене, в луже и заикаешься!

Василиса от этих воспоминаний завалилась в подушки и непотребно загоготала. Люсе никогда не нравилось, что ее персону вызывает такую бурную радость. Однако ж и перечить подруге она побаивалась. Чего уж там – действительно, обмочилась... в смысле, шампанским облилась, а Василиса на что намекает?

– Я не в луже, я вся в шампанском была...

– Ой, уж и не знаю, чего там было больше, – посерьезнела подруга и выкарабкалась из подушек. – Однако ты в моей памяти так и осталась с подмоченной репутацией. Нет, Людмила, в этом году даже и не заикайся – идем на свадьбу. Во-первых, не надо беспокоиться о салатах, во-вторых, приличным людям тебя покажу, а в-третьих... Люся, я уже взяла у них повышенную оплату за праздничные!

– Ага... – послушно кивнула Люся. – Тогда доставай баян, надо фугу повторить.

Вот чего Вася больше всего боялась, так это той самой фуги. И на кой черт ее Люсенька все время повторяет, как будто ее кто-то в консерваторию тащит! Пришлось призвать весь свой артистизм, навесить на чело озабоченность, ухва-

титься за виски и слабо пробормотать:

– Ах, Люся! Ну конечно, ты повторишь свои фуги, я понимаю, ты без них и нот-то не вспомнишь, но только не сейчас. Мне надо поработать над сценарием. У нас уже деньги на руках, а я все еще не отточила некоторые детали торжества. Вот скажи – если мы отца невесты в праздничный торт затолкаем, это будет слишком банально?

– Нет, ну отца...

– Да-да, я тоже так думаю. Избито. Придется все же тебя с баяном.

После этого Василиса Олеговна уплыла в спальню отшлифовывать детали, а Люся так и осталась стоять посреди комнаты, поглядывая на верх шкафа – до заветного музыкального инструмента она не могла дотянуться даже на табурете.

Дальше дни недели поскакали шаловливыми кузнечиками. Поздравления, покупки подарков, маски из склизкой овсянки, выдергивание бровей и седых волос, разгрузочно-простоквашный день, голова шла кругом от праздничного марафона. Василиса целыми днями просиживала за телефоном и сама руководила подготовкой к свадьбе. Попались настолько неопытные клиенты, что ей приходилось им буквально диктовать каждый шаг.

– ...Ну и зачем вы это сделали? – пеняла она матери невесты в телефонную трубку. – Кто вам сказал, что свадебный каравай надо покупать в тот день, когда молодые подали заявление в загс? Ах, вы побоялись, что поднимутся цены на

хлеб! Ну я где-то вас понимаю... но каравай все же придется поменять... А я говорю – поменять! Что значит «не выбрасывать же»? Ну, я не знаю, подарите его своим соседям на Новый год, что ли!.. Нет, я категорически настаиваю – или вы меняете каравай, или будете менять молодым зубы!

Не успевала Василиса расслабиться, как телефон звал ее снова.

– ...И какое платье вы заказали? Колокольчиком внизу, да? А-а, внизу – Царь-колоколом... Понятно... Да нет, я ничего, но знаете, женихи обычно с такими платьями отчего-то нервничают, постоянно под эти самые колокола норовят заглянуть... Да нет, чего же пошлого, просто им кажется, что от них невеста что-то скрывает или кого-то... Ну в общем, нервничают они, из опыта вам говорю... А, ну да, ну да, если вы ей такой коротенький колокольчик вместо юбки... нет, тогда ни для кого никаких секретов... конечно...

– ...Постойте! Вы же хотели проводить свадьбу в ресторане! Почему теперь перенесли праздник в дом к соседям?.. Ага... ага... Ой, ну я не знаю! Нет, я, конечно, понимаю – в ресторане дорого, а тут такая удача – соседи уехали в санаторий и вам оставили ключи поливать цветы, но... Хорошо, нам действительно никакой разницы... И гостей будет в два раза меньше? Позвольте, а как же оплата? Все остается в силе? Ну что ж, тогда давайте – крушите соседское гнездо!

Люся жалела подругу, оттого и налегала на баян с еще большим рвением, Малыш выл еще громче, кот в музыкаль-

ном экстазе прыгал по всем цветочным полкам, а несчастные добрые соседи собрались у Аньки на первом этаже и строчили коллективную жалобу самому президенту.

Подруги так измотались, что, казалось, никакая сила не сможет их поднять утром. Так оно и было, но однажды Василисе удалось проснуться в девять утра. Ее разбудил странный мужской голос. Он прокрадывался прямо в сон, и Василиса по глупости даже не хотела просыпаться, но чем дольше она храпела, тем громче говорил мужчина:

– Василиса, единственная моя, я люблю тебя. Я люблю, когда ты ворочаешься во сне, когда ты чмокаешь губами, когда сочно всхрапываешь и браво гикаешь спросонья, но больше всего ты мне нравишься, когда просыпаешься. Открой свои глазки, встреть утро вместе со мной, я устал ждать...

Конечно, Василиса внутренне собралась, открыла глаза и приготовилась встретить утро с этим сладкоголосым господином! Но голос был, а господина нигде не наблюдалось. Васенька сначала даже не рискнула его искать – грациозно изогнувшись, она унеслась в ванную привести в порядок лицо. Однако, когда она так же грациозно вернулась, мужчины не было. А голос все так же лил пряничную патоку:

– ...Встреть утро вместе со мной, я устал ждать...

– А уж я-то как устала... – подозрительно прищурилась Василиса и полезла под кровать.

Сначала под свою, а потом под Люсину.

– Ой, Васенька, с добрым утром... – продирая глаза, поздоровалась Люся с тем, что торчало из-под ее кровати. – Ты там тапки, что ли, ищешь?

– Да нет же... мужик куда-то запропастился... – пропыхтела Василиса, пятясь из-под кровати. – Вот говорит и говорит, а сам, паскудник, спрятался. Ну что за мужики пошли, хуже женщин, честное слово! Наговорил слов ласковых, так выйди, прими ответную страсть, чего бояться?!. Люся, вставай, помоги мне диван поднять...

Люся бодро вскочила, но диван поднимать не торопилась.

– Вась, его там нет, я тебе точно говорю, – довольно улыбнулась она. – И вообще... погоди...

Она побежала к подруге в комнату и через минуту вернулась с маленькой статуэткой.

– Это и не мужик вовсе, просто я тебе такой будильник на Новый год подарила... Сегодня же тридцать первое декабря, с Новым годом тебя, Васенька! Тебе понравился мой подарок?

Васенька перекосилась. Конечно, не будь сегодня такой праздник, она бы Люсеньке этим будильником...

– Миленько, миленько... – кивнула она. – А я тебе тоже подарочек приготовила. Только чуть позже вручу.

Василиса чмокнула подругу в щеку и тайком от нее бросила будильник в мусорное ведро – не хватало еще млеть от каких-то шурупов и часовых механизмов! Однако не успела она отойти от ведра, как снова вытащила заманчивую шту-

ку. Ну и что, черт возьми! Пусть хоть робот с утра в любви ей признается! Все же приятно просыпаться от ласкового мужского голоса, а не от визгливого крика подружки. Больше рассуждать ей было некогда – надо успеть разнести подарки своим близким и в семь вечера прибыть на свадьбу.

С самого утра у подруг все складывалось удачно. Пока Люся бегала прогуливать Малыша, Василиса собрала сумки, и потом они вместе бодрой рысью понеслись одаривать Пашку – сына Василисы, Лидочку – его жену и трех их дочерей. Красочные коробки с подарками были приняты с громким счастливым визгом.

– Ой, мам, тетя Люся, а мы к вам сами хотели зайти, только вечером, – улыбался Павел, наматывая на шею новый, бесконечно длинный шарф.

– Не можем мы, Пашенька, вечером, – качалась Люся под весом упитанной Наденьки – внучки Василисы, которая забралась бабушке Люсе чуть не на загривок. – У нас свадьба сегодня.

– Да вот, я решила Люсю в люди вывести... – рдела Василиса, пытаясь отодрать ручки маленькой Ниночки от своих кудрей. – Так что вечером мы заняты. А ты чего сказать-то хотел? Сейчас скажи, мы пока не торопимся.

Павел не хотел впустую разбрасываться поздравлениями, он убежал в комнату и вернулся с двумя коробками:

– Вот, это вам. И... мам, я сейчас машину подгоню, свожу

вас куда надо.

– Да куда нам надо... – скромно отмахнулась Люся. – Мы и сами...

Василиса строго на нее шикнула:

– Ты лучше бы бантик развязывала. Не надо ей куда. Вези нас, Пашенька, нам еще к Ольге нужно подарки завезти, потом еще к подружке Маше... Люся, не красней, это тебе мой праздничный подарок – нас Павел везде повозит, и мы на свадьбу заявимся как люди – не опоздаем и успеем сделать педикюр!

Педикюр, однако ж, сделать не удалось. Едва подружки добрались домой, начали раскурочивать подарки и захлебываться от восторгов. То ли Ольга с Павлом договорились, то ли действовали интуитивно, но подарили самое нужное – Василисе сын преподнес роскошное вечернее платье, а Ольга Люсе подарила сказочной красоты праздничный костюм.

– Вот это я понимаю – вещь! – цокала языком Василиса, вертя во все стороны подругу. – Ни в какое сравнение с тем, с розовым твоим! Ой, ну как красиво... Тебе надо срочно бежать в магазин, купить... э-э-э... купить к нему новый лак для ногтей!

Люся не первый год испытывала на себе все издержки характера подруги, поэтому знала ее очень хорошо.

– Вася, если ты хоть раз еще приблизишься к этому костюму...

И все же они не поссорились, у них на это просто не оста-

валось времени. Они только-только успели привести в порядок прически и наложить макияж, как под окном раздался сигнал автомобиля.

– Вася, это ты заказывала «Жигули» цвета баклажан? – глядя в окно, спросила Люся.

– Нет, за нами должен был приехать «Мерседес», государственный номер четыреста пятьдесят шесть, – не отвлекаясь от зеркала, проговорила Василиса.

– Там как раз этот государственный номер. Вставай, Вася, нас ждут «Жигули»! Я всегда знала, что ты немножко путаешься в марках.

В машине Василиса давала последние наставления подружке:

– Запомни, Люся! Невесту зовут... как же ее... ага, вот на листочке записано, ее зовут Валентина, а жениха Михаил. Ха! Михаил коров доил, титьки оторвались! Кхм, Люся, соберись! Не время идиотничать!

Люся ни слова не говорила, она старательно вспоминала, взяла ли с собой баян или прихватила пустой чехол, что-то он сегодня ей показался удивительно легким.

– Да, и еще, Люся, – не умолкала Василиса. – Я тебя умоляю, когда невеста станет кидать свой букет, не бросайся ты за ним, как сумасшедшая! Ну право, стыдно за тебя, там же куча совсем незамужних девочек! И потом, ты уже два раза из-за этого роняла свой баян.

На свадьбу они заявили с десятиминутным опозданием

– попали в пробку, поэтому отрабатывать сценарий Василиса начала уже в прихожей:

– Это что за красота?! Чье тут платье?! Чья фата?! Люся, доставай баян, давай марш Мендельсона рявкни... Это кто у нас невеста, жениховская мечта?! Люся! Ну давай же!

Люся уже успела занырнуть в футляр из-под баяна, и самые худшие ее опасения оправдались – инструмент она благополучно оставила дома. Однако не прерывать же подружку во время работы! Поэтому Люсенька развернула легкие и рявкнула:

– Трам-та-тарам-та-та-ра, трам, тарарам, тарарам!

От неожиданности Василиса на самом красивом месте пустила позорного петуха и забыла текст. Неизвестно, чем бы такая халатность кончилась для Люси, если бы в прихожую не выскочила юркая, кудрявая, как пудель, женщина и не зашипела на Васю:

– Ну что вы, в самом деле! Кто-кто?! Вы же видите, что невесты и нет вовсе! Прямо не знаю, что за тамады такие слепошарые...

– Простите... как это невесты нет? Куда вы ее дели? – растерялась Василиса и заглянула в комнату.

За столами чинно сидели гости и голодными глазами пожирали многочисленные салаты. Однако ж рушить красоту никто не отваживался, потому как возникла некоторая заминка с невестой. Ее попросту не было, и место рядом с женихом пустовало. Сам жених уныло лепил голубя из хлебно-

го мякиша и украдкой опрокидывал в себя рюмочки.

– Не понимаю, куда девчонку-то дели?! – возмутилась Василиса.

– Никто ее никуда не девал, просто она... ну передумала немножко выходить замуж, бывает, – ежилась женщина и нервно хихикала. – Чего-то там повздорили с Мишенькой, и... она вам в подъезде не попалась? Странно, только что выскочила...

– Ах, только что! Тогда мы ее сейчас поймаем и притащим к жениху! – Василиса рванулась в подъезд. – Люся! За мной!

– Васенька! Может, не надо? – Людмила Ефимовна гремела каблуками по лестнице, не поспевая за подругой. – Ну не хочет девчонка замуж, чего ее силой-то?

Она даже рада была такому повороту событий: баян не понадобится. Но приткая подруга ее настроения не разделяла.

– Ты чего мелешь? – остановилась она на минутку. – Что значит – не надо? А деньги нам что – обратно возвращать? Я их, между прочим, уже потратила!.. Половину потратила, не надувайся. Но и остальную отдавать не собираюсь, столько предварительной работы псу под хвост. И потом, у нас совершенно ничего нет для встречи Нового года, а здесь селетка под шубой, я видела!

Короче, отговорить Василису не было никакой возможности. Она выскочила из подъезда, оглянулась и понеслась к остановке:

– Люся!! Не отставай!

Та пыталась не отстать. Вообще, Васенька развила бешеную инициативу абсолютно напрасно, она была близорукой, точно крот, оттого и подгоняла подругу зычными окриками:

– Люся!! Вон за тот угол забеги! Ничего не белеется? А вон там?! Ну куда тебя понесло-то?! Стой, Люся, мы еще в соседний двор не заглядывали!

Но Люся не собиралась никуда бежать, она застыла возле той самой машины, в которой привезли их на свадьбу, и плялилась в салон. Машина стояла чуть в стороне от подъезда невесты, водителя за рулем не было, а на заднем сиденье высилась белая воздушная куча из атласа и кружева.

– Люсь, ты чего? – не осмелилась подойти к подруге Василиса, уже догадываясь о самом страшном. – Отвечай немедленно, что там?! Ну чего у тебя, язык отвалился?

Люся не отвечала, а только распахнула шубку, ей вдруг стало нестерпимо жарко, и она хлопнула с досадой изо всех сил по капоту.

– Черт! Замечательно год встречаем!

Василиса подбежала к подруге, сунулась в заднее окно машины и захлопнула рот – на заднем сиденье полулежала невеста в подвенечном наряде, как ее... Валентина, а по ее щеке струилась тоненькая ниточка крови. В виске зияла аккуратная дыра, и белоснежный лиф платья был обезображен багровыми пятнами.

– Та-а-ак... похоже, кто-то серьезно постарался... – протянула Люся и попыталась открыть дверцу машины. Та не

поддавалась.

– Люся! Куда тебя несет?! – ужаснулась Василиса. – Бежим отсюда!.. Давай домой скорее! А то скажут – ни фига вы уговорили невесту! А мы тихонечко домой, закроемся... Хотя нет, побежали к гостям, вызовем милицию и «Скорую»!

Больше раздумывать было некогда. Они рванули обратно и через минуту уже ворвались в знакомую квартиру.

– Телефон!! Срочно звоните в милицию!! – кричала Василиса.

Однако телефон был занят – по нему разговаривала та самая кучерявая женщина. Она мягко курлыкала в трубку, кому-то нежно пеняла, а все гости напряженно молчали и прислушивались к разговору.

– Ах, шалунишка! – пыталась строго говорить дамочка. – Хорошо, я тебе его пошлю... Да, мы погуляем без вас, ну конечно, я все понимаю, сама была такой же... непредсказуемой!

Василиса несколько секунд в ожидании приплясывала возле нее, а потом потеряла терпение и рванула трубку:

– Да дайте же сюда телефон! Прямо прилипла... там такое происшествие, а она...

– Позвольте!! – вытаращила глаза женщина и вырвала у нее трубку. – Что вы себе позволяете?! Я – мать невесты, разговариваю со своей дочерью, а меня нахально прерывают!

– Нет, ну до чего противная баба! – рвалась к телефону Василиса. – Там ее дочь в машине скончалась, вся как есть

мертвая, а она милицию не дает вызвать!.. Отдай трубку!!!

– Ха! Ха! Ха! Если вам нужен телефон, незачем наговаривать на мою дочку черт-те что!! – Новоявленная теща презрительно выставила вперед скрюченную ножку. – Валюша только что попыталась извиниться перед гостями и просила...

Люся начала что-то соображать.

– Так это вы с дочерью, что ли, разговаривали?.. Вася! Прекрати тыкать в кнопки, тут какая-то путаница... Вы сейчас с невестой говорили?

– Ну да! – фыркнула матушка. – Валюша позвонила, призналась, что погорячилась, и... и позвала к себе Мишеньку, жениха то есть, для примирения. Она сейчас у подружки. Я считаю, совсем не обязательно звонить в милицию, а надо просто сесть за столы и отмечать свадьбу!.. Гости дорогие! Прощу к столу!

Дорогие гости уже давненько томились за этим самым столом и после долгожданной команды накинулись на салаты с винегретами с такой яростью, что дальше настаивать на звонке Василиса не отважилась.

– Та-а-ак, – протянула она, уперев руки в боки. – А там тогда кто?

– Да где там-то?! Чего вы нагнетаете обстановку? – начала терять терпение хозяйка пиршества. – Вот что, женщины. Давайте так договоримся, вы оставляете задаток у себя и смело идете домой отмечать праздник... Кстати, вы еще

успеете.

Василиса прикрыла глаза, попыталась представить их с Люсей пустой праздничный стол, однако перед глазами опять возникла несчастная растерзанная невеста. Вероятно, что-то подобное витало и в голове Люси, потому что она категорично заявила:

– Мы должны непременно пойти к невесте вместе с женихом, нам нужно его поддержать!

– Зачем это? – скривилась мать невесты.

Вообще, она вела себя отвратительно. Вместо того чтобы всю помогать сыщицам, она только путалась у них под ногами.

– Вас там еще не хватало! Пусть молодые сами разберутся, помирятся, и потом – сегодня их день. Валенька просто не хотела с нами засиживаться, а решила сразу приступить к таинствам брака! И вы не смейте соваться, куда вас не просят! Мы же, кажется, вызвали вас для проведения свадьбы? А уж коли ни жениха, ни невесты... Нет, ну, если хотите, проводите!

– Ну знаете... Я не привыкла выступать перед пустым местом! – дернулась Василиса. – У меня весь сценарий составлен для жениха и невесты! И вы нам должны заплатить неустойку!

Люся не прислушивалась к подруге, она вертела головой по сторонам и только чуть позже догадалась спросить:

– А жених-то где?

– Боже мой! Вот ведь привязались! Убежал Миша к Валентине, пока мы с вами переговаривались. Чего ему с нами. Ну так вы уходите или здесь Новый год встречать будете?

– Нет, мы лучше у себя, – потянула подругу Люся.

Василиса упиралась, ей было многое неясно, ее терзали любопытство и голод. Люсе наверняка не удалось бы так лихо выдернуть подругу из квартиры, если бы с другой стороны настырную тамаду не выталкивала матушка. Общими усилиями Василиса была выставлена за дверь.

– Вы еще пригласите меня! – кричала она в запертую дверь. – Позовете девять дней отмечать, а я не приду!!

– Вася! Ну зачем так жестоко?! Закрой рот.

Василиса закрывать рот не собиралась, а наоборот – открывала его все шире и кричала все громче. Ее сегодня несказанно оскорбили, поэтому виновных следует наказать громким презрением.

– А чего жестоко?! Им меня выталкивать не жестоко?! Можно сказать, прямо из-за стола! Прямо от «шубы»!! И вообще! У них дочь в машине скончалась, а они даже милицию не дали вызвать!! Еще жестоко с ними!

Люся затормозила.

– А в самом деле, кто же это был? Я, например, совершенно отчетливо видела...

– И я! Я тоже видела совершенно отчетливо! Машина такая баклажановая! И, главное, водителя нет... Ой-ё! Люся, я поняла, водителя, наверное, тоже того... контрольным вы-

стрелом... Люся! Ну давай же скорее, надо номер рассмотреть!

– Вася, а чего его рассматривать, ты же и так помнишь, – еле поспевала за ней Люся, но спорить с подружкой, когда та уже встала в охотничью стойку, было бессмысленно.

Да и сыщицкий опыт кричал, как бы жутко ни было, надо еще раз увидеть эту страшную машину. С машиной им не повезло – когда они выскочили из подъезда, никаких «Жигулей» не увидели.

– Вот вам фигу в Новый год... – рассеянно пробормотала Василиса и огляделась по сторонам.

Машин возле дома было множество, однако «Жигулей» цвета баклажан нигде не было.

– Вася, это и к лучшему, – торопливо проговорила Люся и потянула подругу к остановке. – Сейчас зайдем в супермаркет, накупим всякой вкуснятины, сядем у телевизора... Вася, там такая программа, я смотрела... Ну чего ты напыжилась-то? Сегодня наступает год Собаки, а мы своего пса в одиночестве оставили! Нет, это замечательно, что все так закончилось...

– Чего замечательного? Ты труп в машине видела? И я видела! Чего же замечательного?

Васю все еще глодали сомнения. С одной стороны, правда, хорошо посидеть дома, а не скакать Петрушкой перед пьяными гостями, а с другой... ну вот что-то скребло возле сердца, и все тут. Люся старательно поднимала ей настроение:

– Ну... может быть, это и не невеста была вовсе, а какая-нибудь... Снегурочка! Напоздравлялась, приняла лишнего и...

– ...пустила себе пулю в лоб, – закончила Василиса. – Нет, все-таки как некрасиво – такой праздник у нас украсть!

А город праздновал. Изю всех окон неслась на улицу музыка, то и дело попадались стайки веселой, краснощекой молодежи, женщины быстро перебежали из одного магазина в другой, покупая то, что позабыли, а мужчины уже смотрели на мир добрыми, хмельными глазами. У всех был праздник, и только две женщины топали по снежной дорожке к остановке, и на лицах их поселилась тревога.

– Красавицы! Покупаем ящик пива «Толстобрюх» и получаем сказочный подарок – пригласительный билет на городской утренник! – неизвестно откуда подскочил к ним белобородый Дед Мороз.

Люся к Дедам Морозам относилась с восхищением, поэтому остановилась, честно объяснила ему, что им еще не приносили пенсию, и вообще – пиво они не особенно уважают, потому что Васеньку от него пучит, и только после этого побежала догонять подругу.

– Вась! Ну тебя прямо не догнать... А если это маскарад? Ну такой веселый, новогодний маскарад?

– Для Нового года там было слишком много веселья, – буркнула та и махнула рукой: – Ладно тебе, чего ты меня успокаиваешь? Пойдем домой, и в самом деле, лучше встре-

чать праздник у телевизора, чем рядом с трупом.

– Тьфу ты! Ведь как скажешь...

Праздник подружки отметили как никогда – в самой элитной компании. Как-то так получилось, что они задолго до курантов осушили бутылочку шампанского, потом еще одну, но алкоголь их не брал. Зато с последним ударом курантов весь хмель ударил в голову. Однако ударил как-то необычно – по-праздничному. Все, что творилось на экране, казалось им, будто происходит прямо в их квартире. Все артисты обращались к Василисе с Люсей официально и хотели с ними выпить. Люся громко пела с каждым певцом дуэтом, а Василиса строила глазки телевизору, то и дело кокетливо закидывала ногу на ногу и ждала, когда гламурные мужчины отважатся пригласить ее на танец. Правда, никто не решился. Наверняка из-за того, что в ногах у нее ползал какой-то черный, кучерявый неизвестный тип и пытался лизнуть Василису в соблазнительные губы.

Утро оказалось мучительным. Надо было как следует отоспаться, но с девяти часов заканючил мужским голосом будильник:

– Василиса, единственная моя, я тебя люблю. Я люблю, когда ты ворочаешься во сне...

Конечно, после таких слов Василиса ворочаться уже не могла. Но, вскочив, вспомнила, что это подарок Люси, помянула подругу добрым словом, однако снова уснуть не получилось.

– Люся!! Немедленно вставай! – влетела она в комнату к подруге. – Случилось непоправимое!

Люся мгновенно распахнула глаза.

– Люся, я забыла вчера на свадьбе свои туфли! Нам надо немедленно навестить молодых!

– Васенька, они еще не проснулись, поверь мне на слово...

– Нет, нет и нет! Собирайся, мы едем за обувью. Если они еще спят, это даже к лучшему – едва только кто-нибудь из них придет в себя, обязательно мои выходные шпильки сопрут, я так уже две пары потеряла.

Люся не стала открывать подруге страшного секрета: это она выкинула одну пару, потому что ее сгрыз Малыш, а второй пары у Васеньки никогда и не было, подруга просто преувеличивала.

– Вася, давай так: ты едешь за обувью, а я выгуливаю собаку... Я даже могу в магазин сбегать и приготовить завтрак!

Василиса только пожалала плечами и побежала наводить красоту, без макияжа на улице она не появлялась.

Ровно через полчаса она оторвалась от зеркала и поплыла в прихожую.

– Люсенька... Люся!!! Опять спишь, что ли?!! Закройся!

Людмила Ефимовна была не права – гости уже не спали. Вернее, они еще и не ложились. К Василисе выскочил пьяненький мужчина и радостно завопил:

– А вот и колядовать пришли!!! Быстренько подайте мне

мешок с отхо... с продуктами!.. А вы, барышня, не смущайтесь, пойте!

И такой напор был у этого мужичка, такая гипнотическая сила, что Василиса вытянулась в струнку и тоненько завывла модную песенку:

– Ё-о-о-о-олки, по городу мчатся лю-у-у-ди... – Потом быстренько опомнилась, одернула шубку и вздернула подбородок. – Что это вы, какой настойчивый, петь вам еще...

– Вы не про елки! Вы про любовь пойте! – требовал мужичок.

Но тут к нему выскочила яркая девица с чернущей гривой, голубыми глазами и яркими рыжими веснушками:

– Пап! Ну чего ты к человеку прицепился? Женщина, а вы, наверное, Мишенькина бабушка? Он, шутник, сказал, что вы давно умерли! Давайте знакомиться – я невеста, меня Вале́й зовут... Миша!!! Тут твоя старушка прикатила! Иди встречай!.. А вы раздевайтесь, раздевайтесь.

Не давая вставить и слова, девчонка кинулась к Василисе и уцепилась за шубу. Мужичок, который только что настойчиво толкал гостье мешок с отходами, резко убрал руки с «гостинцами» за спину и расплылся в улыбке:

– Да и правда, проходите! Вот как вы нас, ай-яй-яй, какая хитрая бабуленция!! Хотела притвориться незнакомкой...

Василиса упиралась как могла. Такой фонтан внимания ее уже тяготил, к тому же она вовсе не собиралась играть роль Мишиной бабушки! Тем более давно умершей!

– Да я и так незнакомка! Ой, господи, и куда вы меня тянете? Я совсем не одета для праздника! Ну нет, я все же не пойду, у меня дырка на носках...

Спасла положение мамаша невесты. Она выскочила на шум и, маслено блестя глазами, запела:

– А-а-а-а! Вот и тамада-а-а. Вы сегодня к нам? Свадьбу проводить будете? Давайте! Только нам платить нечем! Но если вы ради удовольствия...

– Да уж, велико удовольствие... – буркнула Василиса и сразу спросила: – Вы мои туфли не встречали?

– Туфли? – пьяненько качнулась мамаша. – Нет, мы обувь не встречаем, мы только гостей.

Валя проворно кинулась к светлому шкафу, выудила откуда-то сбоку знакомый пакет и протянула Василисе:

– Это я спрятала вчера. Смотрю, все его пинают. Ну, думаю, завтра обязательно кто-нибудь спросит...

– Валенька, а вы вчера не сели в такую машину... синенькую, нет, в фиолетовую, как баклажан? – не утерпела Василиса.

Девчонка хихикнула в кулачок и покачала головой:

– Не-а. Я вчера к подружке побежала, она на пятом живет, в нашем же подъезде. А чего?

– А того! – грозно икнула маменька девчонки. – Тебя эта тетка вчера мертвую в такой машине видела, вот! Я, может, потом от этого известия и напилась. С горя. Так горько мне было! Ой, как горько... Горько!!! Горько!!!

Василиса не стала наблюдать сладкий процесс, взяла пакет и потихоньку выскользнула за дверь.

Домой она шла пешком и все время раздумывала – что вчера такое им привиделось с Люсей? Она была согласна поверить в галлюцинацию, но ведь групповых глюков не бывает! Или все же случаются? Во всяком случае, сегодня невеста жива и здорова, это она только что видела. Хм, видела, а почему тогда вчерашняя невеста на Валю была не похожа? Нет, какие-то общие черты, конечно, наблюдались – фата там, платье белое, но вот волосы, глаза... Какие глаза?! Они у вчерашней закрыты были! Вот черт... Вообще-то, говорят, в новогоднюю ночь всякие чудеса случаются. Наверняка это им с Люсей было знамение – мертвая девица как предупреждение, что в криминальные дела соваться не нужно. Или, может быть, что им больше никогда не стать невестами и, дескать, похороните, дамы, всякую надежду?.. Нет, это уж как-то и вовсе трагично... Вот и ломай теперь голову, что бы это могло означать?

Долго над этим размышлять не пришлось. Сначала Василиса вовсе выкинула из головы это знамение, даже Люсе думать о нем запретила, а потом оно и само разгадалось. Вернее, не разгадалось, а настойчиво потребовало себя разгадать.

На Рождество подруги собрали у себя всех близких – Пашу с семейством, Ольгу с ее гражданским мужем Володей, пригласили даже подругу Машу с ребятами. Маша была дав-

няя приятельница Люси и Василисы и прибежала каждый раз, когда выдавалась свободная минутка. Беда была лишь в том, что эти минутки никак и никем не выдавались, поэтому встречаться приходилось не часто. Рождество случилось по-домашнему – уютным и теплым. Только один раз Павел зашел в кухню, где Василиса возилась с гусем, и плотно прикрыл двери.

– Мам, ты говорила, у вас свадьба какая-то на Новый год намечалась, я все хотел спросить – как она прошла-то?

– Да мы там и не работали совсем, – отмахнулась Василиса и вдруг напряглась: сын никогда не интересовался, как проходят торжества. – А чего, Паш? Случилось что?

Павел фальшиво захихикал, забегал глазами и стал что-то выискивать у себя в карманах:

– Да нет, что ты! Просто думаю – как это люди в Новый год еще и свадьбу осиливают?.. А чего не срослось-то? Жених заболел?

– Нет, с женихом как раз все в порядке. Невеста передумала замуж выходить. Но потом сообразила, что лучше сейчас выйти, пока берут, кто знает, может, ее потом перекосит всю, парализует или разнесет на семь размеров, кто ж тогда ее в загс поволокет... А ты почему спрашиваешь?

– Да я так... Мам! Смотри-ка! Утка твоя прямо дымом вся исходит! Вон как из духовки повалило! – округлил глаза Павел и выскочил из кухни.

Василиса проводила его настороженным взглядом и толь-

ко пробормотала себе под нос:

– Это не утка. Это гусь. Рождественский.

После разговора с матерью Павел едва дождался гуся, потом как-то быстро собрал семью, сослался на то, что маленькой Ниночке срочно требуется в кровать, и распрощался. Ольга с Володей тоже засиживаться не стали. Через семь месяцев у них должен был родиться малыш, и глава семьи строго следил за режимом беременной жены. Едва за семьей Павла закрылась дверь, как Володя немедленно стал собирать Ольгу.

– Все, Оля, нашему малышу тоже покой нужен, – категорично заявил он, напяливая на супругу шубу.

– Но, Володя! Мы еще с мамой...

– С мамой вы все обговорите завтра. Людмила Ефимовна, Василиса Олеговна, просим вас завтра к нам, я лично приготовлю новое блюдо, в журнале вычитал. Говорят, изумительно полезно при беременности.

– Конечно, Володя, непременно заявимся, нам с Василисой особенно полезно будет такое лакомство откусать, – съязвила Люся. – А то мы уж всякую надежду потеряли...

Нет, ей даже нравилась такая забота зятя, но все же частенько Вовчик перебарщивал.

– Придем, Володя, конечно, придем, – светло улыбнулась Василиса. – Завтра как раз моя очередь обед готовить.

И все же Василиса обещала зря.

Впервые за последнюю неделю ее разбудил не сладкий го-

лос осточертевшего будильника, а обычный звонок в дверь. Сразу же раздался грозный лай Малыша – черный терьер общал всем, что к хозяйкам кто-то заявился с ранним визитом. Вася было вскочила, но вспомнила, что Люсина кровать стоит ближе к прихожей, и плюхнулась обратно. Люся тоже не торопилась. Она до последнего надеялась, что подруга не выдержит, побежит к двери, а там, может быть, и с Малышом прогуляется. Но Василиса терпеливо сопела в подушку, а Малыш и вовсе распоясался – стал тыкаться мордой под одеяло к хозяйке, то есть будить ее, заодно облизал все лицо и даже притащил в кровать изжеванного тряпичного зайца. Заяц был последней каплей.

– Да встаю я, встаю... – бурчала Люся, напяливая тапки. – Между прочим, Васенька, могла бы и ты хоть раз открыть. Вася!!! И хватит притворяться!! Думаешь, я не вижу, что ты проснулась?!! Все время я да я!!

Василиса сладко всхрапнула, перевернулась на другой бок и фальшиво застонала во сне, подруга должна подумать, что ей снятся дурные сны, и пожалеть ее.

Люся побрела в прихожую и через две минуты снова заявила в спальню.

– Вася. Василиса! Вставай немедленно, к нам гости... – Чуть помолчала и проговорила еле слышно: – Боюсь, что случилась неприятность. Еще не знаю какая...

Сон Василисы как ветром сдуло. Она моментально припомнила вчерашний странный разговор с сыном и сразу уда-

рилась в крик:

– Вот!! Я так и знала! Конечно! Конечно, у нас неприятности! А откуда быть приятностям, если ты с самого утра орешь, как футбольный комментатор! Сколько раз тебе говорила...

Ее пылкую речь прервала уже знакомая женщина – мать Валентины, той самой невесты, которая капризно отказывалась выходить замуж в Новый год.

– Вы, я вижу, уже не спите... – тихо вошла она в комнату.

Сегодня она была совершенно не похожа на прежнюю хозяйку торжества – мелкие кудряшки запряты под темную шапку, глаза красные и даже какие-то нездоровые, нос постоянно мок, и женщина беспрестанно терла его несвежим синим платком. Василиса еще не успела вынырнуть из постели, поэтому юркнула обратно под одеяло, однако преподала даме урок вежливости.

– Ничего-ничего, проходите, садитесь... нет, не надо на кровать, вот, на стульчик, пожалуйста. Люсенька, голубушка, принесите нам по чашечке кофейку. Да, и прогуляйте собачку, боюсь, мне сегодня не удастся...

Люсенька затрепетала ноздрями. Нет, Василисе и раньше не всегда «удавалось» прогулять Малыша, но выставлять Люсю домработницей!.. И ведь не придерешься – она на самом деле не может при посторонней даме выскочить из постели, вот и требует кофе.

– Как вас, простите? – обратилась Люся к гостье.

– Ах, я забыла представиться... Хотя вы же, кажется, записывали? – насторожилась та.

– Да мы уже ту бумажку выкинули давно, – махнула рукой Люся.

– Ага, конечно. Я – Галушкина Эмма Васильевна. Я...

– Простите, Эмма Васильевна, пройдемте с вами на кухню, а наша Василиса вылезет наконец из кровати! – злобно сверкнула очами Люсенька и увела гостью на кухню. – Она при вас не может, у нее фигура страшная.

Василиса скрипнула зубами. С кофе номер не прошел. А хотелось Люсю наказать, чтобы не орала с самого утра, ей нельзя. Вот, опять неприятности – не зря дама заявила, наверняка деньги назад потребует. Надо сразу настроиться – задаток не возвращать! Ни при каких условиях!

Когда Василиса заявила на кухню, там уже всюду пахло кофе и свежесваренным чаем, а на столе красовалась раскрытая коробочка с конфетами, которую Василисе подарила Ольга. Но ни Люся, ни Эмма Васильевна к чаепитию не приступали. Люсенька нервно мяла в руках крахмальное полотенце, не зная, чем же еще ублажить гостью, а та задумчиво уставилась на сахарницу и, казалось, совсем забыла, где находится.

– Ну, вижу – заждались, заждались... – по-королевски уселась на табурет Василиса и сразу приготовилась отражать любой натиск.

– У меня дочь погибла, – вдруг сообщила гостья, уставясь

на Василису. – И именно так, как вы сказали, – погибла в машине. Признайтесь, вы – экстрасенс?

Василиса сначала даже не поняла, что ей сказали. Она вперилась взглядом в Люсю, будто та могла ей перевести. Но подруга и сама онемела от неожиданного известия.

– Я экстрасенс? Нет, ну какие-то способности есть... – ступевалась Василиса и вдруг опомнилась: – У вас погибла дочь?! Боже мой, ужас-то какой! Когда? Как это произошло? Я же сама лично видела ее живой и здоровой! Она меня еще с этой... с бабушкой своего жениха перепутала.

– Это она на второй день свадьбы перепутала, а вчера утром... она пропала... Понимаете, молодые сразу решили жить от нас отдельно, у Мишеньки своя полуторка, вот и переебрались туда.

– Простите, а адрес Мишеньки вы не помните? – прервала Василиса даму.

Та нахмурилась, видимо, припоминала, а потом объяснила:

– Ателье «Муравей» как раз под их квартирой. Валюша еще смеялась всегда – если, мол, нам бесплатно шить не станут, мы им весь муравейник затопим.

Женщина заклокотала горлом, пытаясь унять рыдания, нервно схватила чашку и, обжигаясь, выпила ее не отрываясь. После этого ее щеки немного порозовели, и она снова обрела способность говорить:

– Они прямо первого числа туда поехали. Ну, второго я

сама к ним приходила – посмотреть, как дочка хозяйничает в новой квартире, третьего они нам звонили, и четвертого отец с ней вечером разговаривал, я в парикмахерской была. А потом... пятого, получается, я утром позвонила, Миша недовольный какой-то был, но Валю к телефону позвал... Дочка недолго разговаривала, видно было, что не до меня ей. Я все ждала, что она днем перезвонит или вечером, но так и не дождалась. Я, знаете, очень обиделась!.. Весь день ей не звонила, позвонила лишь шестого вечером. И то только чтобы на Рождество пригласить. Звоню, а Миша мне отвечает, что Валя еще с утра к нам пошла. Я сначала панику поднимать не стала – ну мало ли куда дочь могла забежать, не все же время ей возле мужа вертеться. Я вот, например, никогда возле мужа не сижу! А она девчонка совсем. К подружкам могла заскочить, счастьем поделиться. Я и не звонила! Так Миша уже поздно вечером сам стал звонить. А мне и сказать нечего. Ну, он, конечно, во всякие подозрения кинулся... а вчера утром ее нашли в нашем гараже, в машине цвета багрянца, она... она совсем мертвая была. Ее задушили, – с трудом произнесла женщина, потом нервы ее сдали, и она ухватила Василису за руку. – Ну зачем вы меня спрашиваете?! Вы же сами все знаете!! Вы же еще тогда прибежали, говорили, что невеста, то есть моя дочь, в машине погибла!! Помните, вы телефон просили милицию вызвать?! А я тогда посмеялась над вами! И трубку вам не дала! И потом толкала вас за дверь!! Помните, вы еще кричали, что на девять дней

не придете?! Господи!! Ну за что же такое мне проклятие?! Если я вас оскорбила, так надо было меня туда, в ту машину, за что Валеньку?! Вы страшный человек – у вас черный язык!

У женщины началась истерика. Люсе едва удалось влить в нее ложку успокоительного.

– Милая Эмма Васильевна. – Василиса осторожно гладила по руке гостью. – Я совершенно обычная женщина. Ну сходите по соседям, спросите...

– Я ик... спрашивала, – медленно приходила в себя несчастная мать. – Бабушка на скамейке сказала, что вы ведьма.

Василису перекосило.

– Это Митрофаниха! – с досадой хлопнула она себя по бокам. – Вот ведь старое корыто! Она всегда нашего Малыша чертом зовет, не любит она собак. Вот сволочь, да, Люся?

– Точно! – замотала головой Люся. – Не слушайте никого, Василиса больше выпендривается, а так она совсем безобидная. Я вот с ней столько лет живу, а она мне хоть бы хны, только костюм мой испоганила... Ну это неважно.

Эмма Васильевна верить ей не собиралась. Она все смотрела на Василису, как на икону, и цеплялась за нее руками:

– Ну скажите – это мне за грехи, да? Господи, и как меня угораздило разозлить ваш черный язык!.. Ну, хотите, я покаюсь! Или уже поздно?

Та только бережно отцепляла от себя руки гостьи и пыта-

лась вразумить несчастную:

– Да перестаньте вы из меня кого-то делать! Говорю вам – я самая обычная! И язык у меня нормальный, ну посмотрите – э-э-э!.. А ту девушку в машине не только я видела, но и Люся! Кстати, она первая ее заметила.

Люся кивнула.

– И вовсе она была на вашу дочь не похожа! – продолжала Василиса. – Я же ее не видела никогда. А тут смотрю – в машине платье белое, фата, и...

– Не надо подробностей, – прервала ее Люся. – Короче, мы и подумали, что раз невеста, значит, ваша дочь.

– А потом, когда я сама вашу Валю увидела, я еще к вам за туфлями заходила, тогда и поняла, что это не она была вовсе! Ваша такая черненькая...

Женщина ничего не слышала. Она прочно вбила себе в голову, что Василиса отомстила ей за оскорбление смертью Вали. Эмма Васильевна сидела на стуле, мерно раскачиваясь, и беспрестанно бубнила:

– Как жестоко... как жестоко... Господи! Ну зачем я только пригласила вас проводить эту свадьбу?! Ведь говорили мне – надо из агентства, а я... все хочется подешевле, вот оно и вылезит! Лучше бы из агентства... Как жестоко, за какую-то обиду так отомстить невинной девчонке...

– Я все понимаю... Но не я это!!! – не выдержала Василиса. – За кого вы меня принимаете?! Я себе даже пенсию нормальную наколдовать не могу – приходится в Новый год

по свадьбам бегать! И это в моем-то возрасте!! Вы глаза-то разуйте! Да если б у меня такой дар был... Господи, что я говорю...

Женщина вдруг перестала раскачиваться, снова уставилась Василисе в глаза и спросила:

– А кто тогда?

– Н-ну... я не знаю... – стушевалась Василиса Олеговна, пытаюсь держать себя в руках.

Однако Люся не удержалась:

– Она не знает. Но если вы нам обещаете содействие, то через месяц мы вам представим преступника.

– Содействие? – распахнула глаза Эмма Васильевна. – Сколько?

– В неограниченном количестве... – затараторила Люся и вдруг споткнулась на полуслове: – Вы что имеете в виду?

Гостья пожала плечами:

– То же, что и вы, – деньги.

Людмила Ефимовна задохнулась от возмущения, но вспомнила, что перед ней убитая горем мать, и только фыркнула:

– Содействие – это добровольные, подробные ответы на наши вопросы, неплохо, если и гости ваши свадебные нам помогут, то есть все, как в милиции... только не так скучно!

– А сами? Без наших ответов вы не можете? – спросила Эмма Васильевна.

В ее глазах появилась недоверчивая пренебрежитель-

ность.

– Конечно, можем, – понесло Василису. – Но вы ведь хотите поймать негодяя как можно скорее?

Ее взгляд показался Эмме Васильевне колдовским. Она судорожно сглотнула и торопливо подтвердила:

– Да! Я согласна! Я буду содействовать... Только... знаете, иногда и обычное слово может нести страшную силу... Если вы не найдете этого ирода, вам так же аукнется...

– Ну кто вас за язык-то тянет?! – подбросило Люсю. Сейчас, когда ее собственная дочь готовилась к свадьбе, Люся стала непростительно суеверной.

Эмма Васильевна будто очнулась, стала быстро собираться, еще раз пообещала помогать и напоявила, что будет ждать звонка.

Глава 2

Закон притяжения беды

Только за гостьей захлопнулась дверь, как Люся понеслась в комнату и вернулась с елочной композицией – на подставке венок из еловых лапок, украшенный серебряными шишками, золотыми колокольчиками и красными бантами, а в центре три витые свечи. Этот веночек подарила на Новый год подругам знакомая, но он был таким веселеньким, что его решили не трогать – свечи не зажигать, копотью банты не марать, а поставить венок к Васе на тумбочку и весь год им любоваться. Теперь же Люся зажгла сразу все три свечи и тыкала композицией во все углы. От хорошеньких свечек черной струйкой к потолку поднималась копоть, но женщине это не пугало.

– Люся!! – взвилась Василиса, подлетела к подруге и стала отбирать икебану. – Ты что творишь?! Ты решила топить квартиру по-черному, как в старину?! Посмотри на потолки!.. Ну что ж тако-о-о-е-то?.. У нас и так ремонта сто лет не было... С ума ты сошла, что ли?

– Не сошла! – дергала ногами и руками Люся, не отдавая подруге композицию. – И не сошла вовсе, а только после этой женщины надо всю плохую ауру сжечь! Ты же слышала, что она тут наговорила! Про «аукнется» слышала? А у меня

дочка свадьбу скоро отмечает!.. Поэтому и надо все сжечь!

Василиса театрально схватилась за виски и сообщила ко-ту, который с интересом ждал, чем закончится потасовка:

– Финли, она ненормальная! Она нас спалит, я тебе обещаю... Лю-ю-юся! Ну кто сейчас верит в приметы?! Ты просто показываешь свой интеллект! И, по всей видимости, он у тебя страшной дремучести! Господи, с кем я делю крышу...

– Да?! – Люся подскочила к самому лицу Василисы и закривлялась маленькой обезьянкой. – У меня интеллект дремучий, да? Тогда у тебя вообще никакого нет! Потому что каждый раз ты ко мне пристаешь: «Люся, не ори, это плохая примета!» Что, не говорила? Сейчас заору.

Василиса вздрогнула, уложила ручки на животе и примирительно сказала:

– Люсенька, твой крик и не примета вовсе, это закон притяжения беды, вполне физическое явление. А эта женщина... Люся, ну мало ли что может наговорить бедная мать, убитая горем? Да погаси ты свечку!! Прямо на меня вся сажа садится! Пойми, Люся, эта Эмма Васильевна и про меня черт-те что наговорила, но я же не обижаюсь!.. Хотя, если по совести, так это не у меня черный язык, а у тебя луженая глотка! Вечно накличешь криком своим... Нет, Люся, оставь свечи в покое. И потом – все эти приметы можно объяснить; скорее всего, в нашем районе появился маньяк, который убивает невест, вот и все... Люся... Люся, я совсем не это хотела сказать!!

Но подруга уже унеслась в другую комнату и вернулась с потрепанной тетрадкой.

– Значит, так, сейчас наметим план вопросов, завтра пойдем к этой Эмме Васильевне и возьмем у нее список гостей. И тогда уже с каждым будем работать в отдельности. Только вот никак не соображу – где их допрашивать? Может, у нас? Ремонт, правда, давно не делали, но все равно здесь уютненько... Да! Надо сначала к жениху пойти, к Мише этому...

Василиса внимательно смотрела, как дергается у Люси на затылке темная кучеряшка и среди локона бесстыдно сверкает совершенно серебряный волос. Боже! Стыд-то какой! У Люси седина, а она так наплевательски к этому относится! Вася урвала момент, схватила седой волос и с силой дернула.

– Васька!! – подпрыгнула от неожиданности Люся. – Чокнулась совсем, что ли?!

– Люсенька! – напыщенно вещала Василиса. – Завтра же потрудись покрасить голову хной!

– Ой, Вася! Ну о чем ты сейчас думаешь?! Нам надо сообразить, как найти преступника!

Василиса фыркнула и грустно уставилась в окно:

– Неужели ты всерьез решила заняться этим убийством? А ведь у Ольги свадьба буквально через месяц! Нам надо готовиться, сценарии, платья там всякие разные, тебе сшить костюм аиста...

Люся оскорбленно вытянула шею, уперлась взглядом в стол и проговорила с нажимом:

– Я помню про свадьбу! И, между прочим, твое замечание попало в строчку! А если и правда это маньяк?! Мы вот так будем сидеть и ждать, когда он доберется до нашей невесты? Моя любимая писательница про такого маньяка писала – он именно на невестах специализировался, гад! Поэтому нельзя терять ни минуты... И потом – нам надо отстоять твое честное имя, а то все как люди называются – Василиса Премудрая, Василиса Прекрасная, а ты у нас будешь Василиса Черный язык! И еще надо отстоять нашу профессиональную репутацию! Ты же слышала, эта Эмма и так уже пожалела, что нас пригласила! Ну и наговорила она опять же... Я, конечно, в такие приметы не верю, но рисковать судьбой дочери не собираюсь... – Люсе надоело шипеть обделенной гусыней, и она гаркнула: – Придумывай давай вопросы! Куда опять мне в темечко уставилась?

Никакие вопросы у Василисы не придумывались. Честно говоря, она хотела насладиться праздником еще хотя бы неделю – до четырнадцатого, как все порядочные люди. Они еще не были в гостях у Маши, мечтали сходить в театр на балет, да к тому же сегодня Володя приглашал их на какой-то беременный ужин. А если они с Люсей займутся этой несчастной невестой, то все праздники, само собой, накроются траурным венком, козе понятно. Надо, чтобы и Люся пришла к такому выводу. А она непременно придет, если Василиса оставит ее одну – ну кто еще может руководить операцией, если не Василиса? У Люсенки без подружки момен-

тально пропадает боевой задор.

– Люся, давай ты сейчас подумаешь, а я с собачкой погуляю. Ну, чтобы тебя не отвлекать, а потом ты мне продиктуешь эту анкету для свидетелей.

Спорить было лишним – Малыш уже давно поскуливал возле хозяек и складывал им на колени лапы.

– Хорошо, – согласилась Люся. – Только зайди в магазин, купи хлеба и батон, сделаем гренки... раз уж мы сегодня не попадем на ужин...

Василиса только мотнула головой, и через минуту Люся уже слышала ее голос в прихожей.

– Мои батоны, они же булки... – пела себе под нос ее подруга, надевая на собаку ошейник.

Василиса брела по заснеженной аллее, и даже вид пушистых яблонь в гирляндах ослепительного инея ее не умилял. На улице стояла самая зимняя погода, то есть дикий мороз. Василиса уже пожалела, что вызвалась гулять с Малышом, Люся как-то спокойнее относилась к минусовым температурам. А вот организм Василисы Олеговны совершенно не переносил холода – у нее тут же стали скрючиваться руки, даже в рукавицах, щеки приобрели лавандовый оттенок, изо рта, как у дракона, вырывались плотные клубы пара и, что неприятнее всего, сразу окоченел самый думающий орган – лоб.

Сейчас совсем не хотелось ни о чем размышлять, согреться бы, но мысли упрямо уносили Василису к той злосчаст-

ной свадьбе. Черт, они с Люсей даже не рассмотрели, кто там из приглашенных-то был, их дальше коридора не пустили. И как теперь работать? И опять же – эта девица в машине... Василиса ее отчетливо видела, но это была совершенно точно не невеста. Платье только... Да и с платьем тоже – ни Василиса, ни Люся даже не знали, какое платье было на Вале. Надо на всякий случай фотографии посмотреть. Точно! Спросить у матери... у Эммы Васильевны, может, они уже подсуетились да и сделали снимки, может, на фото у кого-нибудь взгляд недобрый промелькнет или какое-нибудь орудие убийства просмотрится... Нет, орудие вряд ли... А кстати, что-то выпало из головы – как погибла Валя? Ее тоже застрелили? Надо будет подробнее расспросить. И потом, машина – это что, совпадение? Почему именно в ней сначала им привиделась убитая невеста, а потом и Валя погибла там же? Прямо какая-то проклятая машина, как еще удалось подругам на ней до свадьбы доехать, тоже могли бы их наутро обнаружить в белых платьях, в фате и с пробитой грудью! С этим транспортом что-то не так...

Пока Василиса в раздумьях терла заледеневший лоб, глаза ее неотступно следили за черной точкой, которая мелькала вдалеке рядом с продуктовыми ларьками. Черной точкой, конечно же, была собака, и Василиса сильно подозревала, что это ее легкомысленный питомец – прогулки рядом с ларьками были его излюбленным занятием, там всегда знакомые продавцы угощали милашку терьера сладкими суха-

риками или чипсами.

Василиса насторожилась. Теперь точка явно атаковала какого-то незнакомого мужичка, который отмахивался, закрывал голову руками и уворачивался от нападения.

– Черт... От Малыша ты, дружок, так не спасешься... – пробормотала Василиса и рванула на помощь бедолаге.

Она стремительно неслась к ларькам, и чем ближе подбегала, тем отчетливее видела: на этот раз глаза ее не обманули. Малыш на самом деле крутился возле незнакомого мужчины и, надо думать, хотел его съесть.

– Вот идиотство! – задыхаясь, бубнила Вася. – И что с собакой приключилось? Никогда на людей не набрасывался... Сколько раз говорила Люсе: не корми ты его одной овсянкой! Он же не конь! И вот пожалуйста – сам себе стал мясо добывать... Малыш!! Гад такой, фу!!! Я сказала – фу!! Дядя невкусный, фу!!!

Она подлетела к мужчине, когда Малыш его еще не успел поранить. Во всяком случае, рваных ран не просматривалось. Щедро одаривая четвероногого друга пинками, Василиса умудрялась еще и заискивающе улыбаться мужику.

– Вы уж нас извините. Вот какие мы озорники... Но вы не бойтесь, это мы просто шутим, да, Малыш, зараза такая!

Потерпевший вел себя неординарно и спастись не желал. Он вдруг возмущенно вытаращил глаза и запыхтел на Василису:

– Да как вы... как вы смеете?!. Прямо ногой по туловищу!

Это же собака! Ну, подумаешь, резвится крошка...

– Я вас умоляю, только не рассказывайте мне, как эта крошка может резвиться, – кривилась Вася в фальшивой улыбке. – Да стой ты, Малыш! Гад какой!

Дяденька все еще поступок дамы не одобрял и даже попытался потянуть песика за ошейник к себе.

– Ой, господи, и посчастливилось же с мазохистом столкнуться, – проворчала Василиса, с силой рванув собаку к себе. – Это что ж такое?!. – сурово приступила она к воспитанию псины, как вдруг заметила на песике чужой ошейник.

Хватка ее стала ослабевать, потому что до Васи вдруг дошло, что она дернула вовсе даже не свою собаку. Черный терьер – собачка весом с саму Василису, с прекрасным кусательным аппаратом, не позволит, чтобы всякий желающий кидался к ней с оплеухами, это Вася хорошо по собственному Малышу знала. А она-то распоясалась... И зачем, спрашивается, ухватила чужого песика?.. Оглянувшись, стреляный собаковод заметила рядом с собой мирно сидящего Малыша. Тот чинно ожидал, когда хозяйка навешает постороннему псу подзатыльников, чтобы потом всласть с ним побегать. Но не его радостный вид насторожил Василису – от дальнего ларька прямо к их живописной группе направлялась кругленькая женщина с сурово сдвинутыми бровями.

– Так, дамочка, отойдите от кобелей! Я вам говорю! – с ходу накинулась она на Василису. – Нет, ну что за бабы пошли – не успеешь за яйцом отойти – мужика прямо с соба-

кой воруют!!

– Дунечка! – залез безил мужчина. – А я ведь ей говорил – это, мол, наша собачка. Играем мы так! Но она меня даже слушать не захотела! Наверняка нашего Ориона увести задумала! А у самой такой же пес, вон он сидит.

Женщина оглянулась на Малыша, потом смерила оценивающим взглядом Василису и фыркнула:

– Это она не Ориона увести хотела, а тебя, горе мое... Орион! А ты куда смотрел?! Я же тебе русским языком говорила... Не прыгай на папочку! Не надо с него шапку срывать, у него голова замерзнет и отвалится!!

– Позвольте... – очнулась вдруг и раздулась от обиды Василиса. – Никого я уводить не собиралась! Дуня, я сейчас вам все...

– Ка-кая я вам Ду-у-уня?! – угрожающе забасила женщина и пошла на Василису круглым животом. – Объяснит она! Хотела мужика увести, так забирай! А то еще Дунями обзывается!

Василиса попятилась, но возжелала до конца внести ясность.

– Ну какое же это обзывательство? Прекрасное русское имя... Да и муж вас только что так назвал...

– Какой еще муж?! Это отец мой!.. Орион!! Оставь отца в покое!! – рывкнула женщина и снова обернулась к Василисе. – И не Дуня он меня звал, а доня! Дочка, значит! А вы не увиливайте, не увиливайте! Хотели обворожить муж-

чину, так и берите, он уже обвороженный! Бать, ты как – обвороженный?

– Да немножко того... не утерпел... обворожился... – кривился в вежливой улыбке мужик.

Дуня-доня вытащила у него из кармана паспорт и раскрыла на первой странице:

– Вот, здесь все написано: Николай Николаевич Иванко, разведен, детей нет... Нет, ты посмотри-ка, есть! Ах да, это я... Вот, дама, получайте! Я уже давно ищу ему женщину для серьезных отношений или для брака. Мне, знаете, некогда его судьбу устраивать – надо папашу в мужья вытолкать да самой замуж идти. А то года идут, так и помрешь вековухой.

– Но позвольте... – попыталась возразить Василиса, но женщина, как выяснилось, молодая, ей не позволила.

– А я говорю – надо! И не спорьте, если не знаете! – выпучила она круглые, навывкате, глаза. – Вот у меня подруга – тридцать первого замуж вышла, а седьмого уже померла! Тоже с замужеством тянула! Совсем времени на семейную жизнь не хватило, а если бы на год раньше выскочила, так...

Василиса напряглась. Она воровато оглянулась по сторонам и, не разжимая губ, спросила:

– А вашу подругу случайно не Валентиной звали?

– Да ей теперь все равно, как звали, а мне вот надо отца спихнуть кому-нибудь на жилплощадь и... вы понимаете, все, что мне осталось от любимой подруги, это ее молодой вдовец! Кстати, а у вас есть жилплощадь?

– У этого вдовца, насколько я знаю, своя жилплощадь имеется...

– Ха! Так у меня-то с квартирой шансов больше его захомутать! – гыкнула девица, потом вдруг что-то сообразила и закручинилась: – Да и папеньку неловко без теплых женских рук оставлять... У вас есть теплые женские руки?

Василиса стянула рукавичку и растопырила скрюченную, окоченевшую пятерню.

– Вот о таких он и мечтал, – торжественно воскликнула лгунья и зыркнула на батюшку. – Папаня! Я верно говорю, правда?!

Папаня более тщательно подходил к выбору верхних конечностей. Он вытянул шею и попытался заглянуть через могучее плечо своей «дони».

– Дай-ка, дай-ка посмотрю...

– Наглядишься еще, – дернула плечиком дева, и папеньку отшвырнуло ближе к резвящимся псам. – А вы, я не поняла, колдунья, что ли? Откуда про жениха знаете?

Василиса уже успела приучить себя к мысли, что да! Она где-то колдунья! Осталось только приучить к этому остальных. Поэтому она усмехнулась и неопределенно пожала плечами. Пусть девчонка думает, как ей нравится. Девчонка думала правильно. Она вдруг подозвала отца, сунула ему в руки пакет и строго приказала:

– Так, батя, возьми яйца, зайди за творогом и срочно домой. А мы с Орионом прогуляемся.

– Я это... – скромно потупился батя. – Можно я с вами? Мне хотелось бы колдунье желание загадать...

– Домой, я сказала! Напишешь желание на бумажке и повесишь вон на ту елочку! – диктовала непримиримая дочь. – А тетеньку колдунью незачем твоими мелочами заморачивать, она мне еще жениха не приворожила! Будешь себя хорошо вести, приглашу ее домой. Все!

Николай Николаевич послушно забрал пакет и потрусил к магазину за творогом. Кругленькая девушка нежно взяла Василису под руку и поволокла ее в небольшой скверик, где в такое время народу не бывало, зато собакам было полное раздолье.

– А мы с вами погуляем, да? – преданно смотрела она на Василису. – Давайте прямо сейчас отойдем туда... вон, видите, за кустики, и вы сразу – бац! – и начнете привораживать Михаила. А то мне сегодня еще на работу в ночь...

Василиса внутренне подобралась. Так, значит, она не ошиблась: на ее локте повисла подруга погибшей Валентины. Ну не упускать же такой случай...

– Право, я не знаю, выйдет ли у меня, все же такое похолодание... – жеманилась она. – Могут замерзнуть эти... чакры! Ага, мои чакры замерзли. Да и не знаю я, кого привораживать... Вот что – давайте вы мне все подробно расскажете про молодого вдовца, про его бывшую супругу, про их свадьбу, про то, как она погибла...

– А это еще зачем? – вырвалось у девицы.

– Ну как же! А если он ее сам кокнул? К нему же совсем другое колдовство применять придется! Да и волшебники покруче меня будут... Кхм, мы отвлеклись. Короче, я должна знать все! И давайте уже говорите – я вся тут окоченела с вами.

Девушка не заставила себя упрашивать дважды, она заговорила быстро, сбиваясь и повторяя одно и то же по нескольку раз. Однако Василисе все же удалось узнать кое-что интересное.

Оказывается, Тамара, так звали хозяйку непоседливого Ориона, знала Валентину уже лет пять. Они познакомились сразу после школы, судьба столкнула их в электричке. Валя ехала к родителям на дачу пропалывать грядки, а Тамара – к соседке, за определенную плату помочь ей выкорчевать пни на участке. Обе девушки, возможно, так и не познакомились бы, если бы бдительные контролеры не захватили их как безбилетников и не высадили далеко от пункта назначения.

Девушки остались одни на пустынной станции и очень скоро разговорились. Выяснилось, что на двоих у них денег всего на один билет, а куковать здесь ни одна, ни другая не намерена. Пришлось пойти на маленькую хитрость. На этой станции не было даже здания – стояла только одинокая будка, где билеты продавались. В ней сидела худая тетка со злобным лицом. У нее-то они и решили разжиться деньгами на билет. Насобирав сухой травы и маленьких веточек неподалеку от будочки, Валентина развела костерок и принялась с криком

долбиться в будку:

– Пожар!! Женщина, срочно эвакуируйтесь!! Горите!!! Да что ж вы сидите?! Будка горит!!!

Она так убедительно орала, что женщина не усидела, рванула из будки посмотреть: стоит ли тушить пожар или, черт с ним, погаснет сам? Чтобы лучше видеть очаг возгорания, тетке пришлось забежать за строение, куда в это время беспрепятственно проникла Тамара и уперла личные деньги кассирши вместе со старенькой сумочкой.

– Господи, стыд-то какой, – дернула губой Василиса. – Это же воровство!

– Я все осознала! – немедленно окаменела лицом Тамара. – Вела себя срамно и недостойно, как последняя сволочь! Исправилась! Теперь плачу налоги, хлеб не выкидываю, крошу синичкам и подаю бедным пятаки! Что было дальше, рассказывать?

Потом девушки унеслись в лес. На дачи уже решили не соваться, добежали до соседней станции, дождались электрички в город и юркнули в вагон. Тамара тут же предложила Вале отметить столь удачное возвращение, благо что отец находился на смене, а мать и вовсе бросила их, когда девочка только родилась. Да и деньжата в чужой сумочке позволяли. Новые подружки наотмечались так, что не помнили, где заснули. Однако пришедший домой после смены Николай Николаевич даже взглядом озорниц не упрекнул – дочка не любила, когда ее ругали. Валенька, проснувшись и правильно

оценив ситуацию, вечером заявила к новой подруге уже с дружкой – а чего стесняться-то, если папаша воспитан, как цирковой пудель? Правда, в первый раз была недовольна Тамара – отчего подруга о ней не побеспокоилась? Но уже в следующий раз Валюша ситуацию исправила. Теперь подруги были неразлучны. Валюша была хороша собой, на нее заглядывались парни, но вот встречаться с этими парнями было абсолютно негде – Тамара оказалась для нее находкой. А у Тома, напротив, было где встречаться, только вот не находилось желающих. С богатого Валиного плеча теперь и ей отламывалось.

Однажды, где-то полгода назад, Валентина заявила к Тамаре с молодым человеком и чинно его представила:

– Миша. Томочка, знакомься.

– Тамара... – покраснела та и протянула ладошку топором. – Славный какой вы, Миша... Валь, а чего себе никого не пригласила? Батя сегодня на смене...

Валя за спиной у парня покрутила пальцем у виска и скорчила страшную рожу. Однако тут же мило улыбнулась и весело захихикала:

– Ой, Миша, Тамара у нас такая шутница, такая шутница! У нее в голове только мужики. Да еще деньги.

– Деньги в руках иметь надо, – буркнул Миша. – А в голове мозги должны быть.

После этой цитаты Тамара просто открыла рот – таких умных знакомых Валя к ней еще не приводила. Хозяйка закру-

тилась возле плиты, но Валя ее остановила:

– Ты не суетись, Тома. Слышь?! Не суетись, говорю! – крикнула она в кухню. – Мы с Мишей просто так заскочили! У него своя квартира, так что мы сейчас туда, нам некогда засиживаться!

И они не засиделись – убежали. Уже позже Валя пришла одна и рассказала, что познакомилась с этим самым Мишей и у нее на него виды.

– Любишь, что ли? – раскрыв рот, спросила Тамара.

Та недоуменно поморгала, призадумалась и качнула головой:

– Еще не сообразила, но квартиру упускать не собираюсь! Хватит уже на родительском поводе жить – «туда не ходи, с этим не дружи, все парни – хамы, все девки – дуры, а твоя Тамара вообще – генетический плевок!». Это они про тебя так, прикинь! Всю спину прогрызли!

Конечно, Тома поддержала подругу, тем более что та перезнакомила ее со всеми друзьями своего жениха.

– Ой, вы знаете, – заиграла бровями Тамара, толкая окоченевшую Василису в бок. – Валька передо мной кривлялась, кривлялась, а потом так этого Мишку ревновала, мама дорогая! Главное – ко мне ревновала, прикиньте! Он только на мое плечо руку положит, она прям искрится вся от напряжения! А Мишка еще дальше руку-то сует – за пазуху! Тогда Валька в него прям когтями! Не, они жили так весело, постоянно собачились! Мы прям угорали все! Все – это я и

друзья Мишкины. Ой, я ж вам не сказала! Мы потом еще и у Мишки целой кодлой собирались. Там такие мужики подобрались! Короче – записывайте. Если не получится приворожить Мишку, тогда можно Борьку Бурундука, он очень красивый, здоровый, только жрет, как мерин. Поэтому его Бурундуком прозвали. Или еще Толика, он вообще классный. Только матерится все время, но это ничего, подумаешь! Велико дело – в троллейбусе с ним проехать нельзя, зато на фотографии девкам покажу – обзавидуются. Так, кто там еще остался? Вадик еще... Нет, Вадика не надо, он какие-то слова интеллигентные все время вставляет, иной раз и не поймешь, о чем бормочет. Вы не подумайте, он не идиот какой, но на люди его вывести стыдно. И все время в общаге живет. Хотя... за ним там одна увивается... Вы на всякий случай его тоже запишите.

– Да куда мне записывать-то? – не утерпела Василиса. – Разве что на снежке... Ты вот лучше скажи – эти ребята тоже на свадьбе были?

Тамара округлила глаза, поджала губы и едва удержалась, чтобы не покрутить у виска.

– Вы чего – совсем? Кто нас на свадьбу-то позовет? Я же вам говорю – родители Валькины нас вообще отстоем считали! А меня так и вовсе плевком каким-то! Конечно, мы не ходили! Мы молодых у меня дома ждали.

– Так-так-так, – сосредоточилась Василиса. – Ждали молодых, поздно вечером они приехали, и что?

– Ну, а кто знает-то? Мы ж того... в невменя... нетрезвые мы были. По причине такого праздника офигенного мы все в ноль напились пьяные. Ну а куда деться? Прикиньте – Валька б с Мишкой заявили, а мы тут все как стекло – здрассте! Они б знаете как обиделись! Пришлось принять на грудь...

Василиса припомнила свою единственную встречу с Вальей и спросила:

– А подруги? У Валентины, кроме тебя, были еще подружки? Я слышала, у нее кто-то там на пятом этаже жил?

Тамара оскорбилась. Она презрительно сквасилась и отчего-то стала говорить на повышенных тонах:

– Да на каком пятом! Это вы про Ирку, что ли? Да какая она подруга? Она ж страшная такая – ы-ы-ы! – Тамара вытаращила глаза и далеко выпятила нижнюю челюсть. Честно говоря, она и до этого момента красавицей не выглядела, а тут... – Вальку все мамочка заставляла с ней дружить! «Ироцка, хоросая деовоцка, вот и друзы с ней, сю-сю-сю. Вместе бегайте в Дом культуры на поэтицеские вецеринки, сю-сю-сю. И чтобы курву Томку я не видела!!!» Ха! Нужны были Вальке эти вечеринки!! Да там одни боты!

Тамара в расстройстве отвела глаза в сторону, чтобы Василиса как следует прочувствовала, какую чушь спросила. И вдруг завопила во все легкие:

– Орион! Черт лохматый! Зачем ты кошку подкидываешь?! Тоже мне, игрушку нашел! Она блохастая!.. А, это чья-то шапка? Ну тогда ничего, играй...

Собаки и правда таскали что-то мохнатое, и, по всей видимости, именно шапку.

– Вот прикольно, – хихикнула Тамара, кивнув на пса. – Научила Ориона шляпу с бати срывать, так он теперь со всех мужиков шапки тянет. У меня уже этих шапок дома... Вам не надо? Всего за столбик могу уступить приличную... Ага, а ж не про то... Так вы чего спросили?

Василиса наблюдала за собаками, и ситуация с шапками ей совсем не нравилась.

– Чья машина баклажанового цвета? – уже нехотя спросила она.

– Так это ж Мишкина!.. Только на ней ездят все, кому в голову взбредет. Она и не закрывается совсем, все знают. Ему мамашка собиралась новую иномарку купить, поэтому он «Жигули» и не жалел.

– А на свадьбе кто в ней ездил?

Тамара снова выпучилась:

– Я ж вам популярно объясняю-ю! Не было нас на свадьбе! И потом я Вальку не видела. Хотела с ней встретиться, но там первое время, сами понимаете, маменьки, папеньки – «как первую ночь переночевали, как вторую?». Можно подумать, они помнят ее – первую-то! Я и про смерть Валькину только вчера узнала. Прикиньте – к Мишке в двери долблюсь, а мне соседка открывает. Вся такая в халате с капюшоном и шипит, ну чисто кобра! «Чего вы долбитесь? Не знаете разве, у Михаила жена погибла! Ему теперь не до вас! И нету

его вовсе». Ну я и отчалила. Потом Вальке домой позвонила и так осторожненько спрашиваю, ну чтоб мать не травмировать: «А чего это мне Мишкина соседка сказала, что у вас дочь скончалась? Это правда, или мне ей лицо набить?» Ну, Валькина мать давай мне грубить в трубку, дескать, если вы еще позвоните, я вам сама морду набью. Да как вы смеете, у меня дочь погибла... Я больше звонить и не стала. Ну потому что обиделась, понятно же, да? Сегодня к Мишке вечером перед сменой заскочу, узнаю, когда ее хоронить будут. Я уж и так хожу к нему, хожу, а он как в колодец ухнул...

– То есть... он пропал? – испугалась Василиса.

– Конечно, я и говорю, – фыркнула Тамара. – Он же не дурак, знает, когда пропадать! Ему надо за упокой любимой жены поляну накрыть, вот он и пропал. Нет, не по-человечески это. Ну все-таки выпить надо, отметить... помянуть. А с матерью ее я принципиально не буду общаться... А вы чего такая? Я, главное, ей говорю-говорю... Куда вы смотрите-то?

Василиса напряженно косилась куда-то в сторону. Тамара тоже туда глянула и увидела спешащего к ним мужчину.

– Это за вами?

– Нет, Тамара, похоже, за тобой. Видишь, человек без шапки...

Через минуту к ним подошел крепкий парень с непокрытой головой и, играя желваками, сурово уставился на обеих. Руки он держал в карманах, недобро как-то держал. Василиса сразу почуяла запах пороха, и сердце ухнуло в пятки. А

парень, насмотревшись вволю на дам, свирепо процедил:

– Чья собака шапку сперла? Только не вилять!

Василиса невольно обернулась на Тамару, а потом торопливо проговорила:

– Собака ни при чем! Вы ее пристрелить хотите? Собака не виновата! Только посмейте!! Я сама... Орион! Иди ко мне! Я тебя закрою!! Орион, черт возьми!

Тамара трусливо отводила глаза в сторону и тихонько пинала ногой Василису.

– Чего лезете? – чуть слышно прошипела она, скособочив рот. – Пусть делает что хочет, а то нам статья... И так может по башке настучать...

– Да что же, отдать пса на растерзание?! – возмущалась Василиса.

К ним уже подбежали и Малыш, и Орион. Собаки злобно скакали возле женщин, Малыш терзал сломанную дубину, а Орион доверчиво тыкал трофейную шапку Тамаре в руки.

– Орион! Отдай хозяину шапку... Слышь, парень, я пенсию получу, заплачу, – закрывала собой пса от гневного мужика Василиса. Но закрыть не получалось, черныш все время вырывался и тянулся к хозяйке. Та откидывала его от себя сапогом и вообще делала вид, что собаку видит впервые.

– Не трясись, тетка, – просопел парень и бросил Тамаре: – Короче, так: собака ликвидируется... Тетка! Я же сказал – не трясись! Забираю я пса, на хрена ему такая хозяйка?

Ему у меня лучше будет. У меня уже есть один, и второму место найдем. У-у! Убил бы... – прошипел он Тамаре, поймал Ориона за ошейник и рявкнул: – Где поводок?!

Тамара молча подала, и парень потащил упирающегося пса из сквера. Сначала он его волок на ошейнике, потом потрепал по голове, что-то сунул ему в пасть, и Орион уже не так упирался. А парень, насколько могла видеть Василиса, все останавливался, гладил пса по голове и чем-то угощал.

– Не, ну молодец мужик, да? – возмущенно повернулась к Василисе Тамара. – Главное, вот так взял собаку и уволок! Я, может быть, за ним ухаживала, ухаживала... Я вообще-то месяц назад его у соседки купила, та уезжала за границу, ну мне его и сунула. На, говорит, продашь пса кому-нибудь, а его так никто и не купил, я столько с ним мучилась, а тут на тебе – приходит какой-то хмырь...

– Заткнись! Я рада, что собака нашла наконец нормально-го хозяина, а ты!.. – рявкнула Василиса, крикнула Малыша и поспешила к дому.

Тамара так и не сообразила, отчего же испортилось настроение у собеседницы.

– Эй!! Куда это вас понесло?! Вы ж мне не сказали, когда женихов-то ждать?

Василиса сначала прибавила шагу, потом привязала Малыша к деревцу и вернулась:

– Знаешь, я тебе скажу, как простая баба, не ворожейка какая-то... Ты, может быть, очень скоро выйдешь замуж. Но

только приготовься к тому, что муж не будет с тобой считаться, так же как ты со своим отцом. Твой муж тебя предаст, как ты этого Ориона, а если с тобой стряется беда, твои близкие сочтут это прекрасным поводом, чтобы надраться в хлам!

Больше она не могла говорить. У нее колотилась челюсть, ходуном ходили руки и ноги, а сердце готово было выпрыгнуть из груди от ярости.

– Ни фига себе... наколдовала... – открыла от неожиданности рот Тамара и осталась стоять посреди заснеженного сквера.

Домой Василиса еле вползла – совсем не чувствовала ног, а руки ломило от холода. В прихожую вышла Люся с красным разбухшим носом и, шмыгая им, начала стягивать с подруги сапоги.

– Эгоистка... – бормотала она себе под нос. – Сама уперлась, а я чуть с ума не сошла... Плачу тут, плачу... Куда, думаю, ее унесло? Может, думаю, ее машиной сбили или сосулькой по голове... Прямо хуже собаки – как вырвется из дома, не дозовешься. Признавайся, Снегурочка хренова, опять какого-нибудь мужика встретила?

Василиса юркнула в кухню и плюхнулась на стул ближе к батарее.

– Люся, налей чаю мне. С малиновым вареньем. Много. И Малышу.

– Малышу тоже чаю? – уточнила Люся.

– Ну нет же, Люся, – устало пробормотала Василиса. –

Что ты у родителей непонятливая такая получилась? Малышу теплой каши. Есть у нас теплая овсяная каша?

Люся проворно налила чаю, плюхнула перед собакой плоску и уселась напротив подруги.

– Вася, не виляй. Рассказывай – кто он? Он что – морж? Это надо же тебя столько по улице таскать, мороз, между прочим, тридцать четыре градуса! Как его зовут?

– Тамара. Ее зовут Тамара. Такая скверная баба, – причмокнула Василиса. – Люся, я тебе про нее расскажу, но ты с нее пример не бери.

Люся фыркнула и подлила подруге еще чаю.

– И зачем ты, Васенька, с такими отвратительными бабами по морозу таскаешься? Вон все щеки отморозила. Да не дергайся, я пошутила, они у тебя от природы фиолетовые. Что там за Тамара?

Василиса хотела наказать подругу молчанием – чем ей ее щеки не нравятся? Но новости так и просились наружу.

– Вряд ли тебе будет интересно, – кривлялась она, покачивая тапком. – Я только что говорила с подругой нашей невесты. Так... немного поболтали...

Люся сморщила лоб и лихорадочно начала вспоминать: какая Ольгина подруга могла два часа морозить Василису своей болтовней. У ее дочери вообще подруг не было, она всегда предпочитала исключительно мужское общество.

– Так я не поняла – это ты со своей невесткой болтала? С Лидочкой, что ли? – пыталась догадаться Люся.

Единственная молодая женщина, с которой сейчас общалась Ольга, была Лидочка – жена Павла и невестка Василисы.

– При чем тут наша Лидочка? Я тебе про какую невесту толкую? Которая погибла! А ты про кого?

Люся нервно дернулась и принципиально убрала банку с вареньем в холодильник.

– Вообще-то, я считала, что ты Ольгу имеешь в виду! Между прочим, «наша невеста» – это как раз она!!

– Она еще не невеста! Она только желающая, – возразила Василиса и банку демонстративно вытащила обратно. – Невестой она станет, когда платье наденет свадебное, фату...

– Это большой вопрос – захочет ли Ольга в загс тащиться в фате и в свадебном платье! Она считает, что это атавизм! Я, например, тоже так думаю!

Вообще-то Люся так не считала. Она искренне верила, что дочь в самый последний момент передумает и порадует гостей белоснежным нарядом. Но это неважно.

– По-твоему, получается, если она фату не наденет, так и невестой не будет?

– Нет, будет, конечно... Но немножко не настоящей. Люся, ну почему у Ольги такие своеобразные взгляды на свадьбу? Фату она не наденет, платье покупать не собирается, она скоро скажет, что и жениха в загс не возьмет! Потому что это не современно! Одна придет...

Люся за дочь встала горой. Правда, она не знала, чем парировать, потому что и сама боялась, что Оленька в по-

следний день откажется от свадебной церемонии или выкинет что-нибудь эдакое! Например, устроит гостям забег километра на три или соорудит застолье на вершухе заснеженной горы... Нет, кто-то из гостей, может, и доберется до праздничного стола, но точно не Люся с ее-то баяном. Мать непредсказуемой невесты каждую ночь молилась, чтобы торжество прошло традиционно – тихо, спокойно, в тесном семейном кругу, с запотевшими бутылками, с блестящими вилками и кружевными скатертями. А тут еще Василиса под ухом каркает!

– Вот что! – в обиде закинула голову Люся. – Ненастоящая тебе невеста, так можешь и не ходить на свадьбу! Я сейчас позвоню Ольге и скажу...

Звонить никому не пришлось. Ветреная дочь, будто чувствуя, что о ней говорят, сама тут же позвонила в дверь.

– Мамочка, привет! – ворвалась она в комнату, вся увешанная пакетами, и сразу наполнила дом свежим морозным запахом. – Тетечка Василиса, вы сегодня чудно выглядите, здравствуйте! Только смените косметику, у вас много лиловых тонов. Мам! Ну чего вы еще не одеты? Володя уже ждет. Вы что – к нам вообще не собираетесь?

Обе подруги моментально вспомнили про званый ужин, и их животы заурчали слаженным дуэтом – дамы с утра ничего не ели. Василиса вдруг засуетилась, заволновалась и стала толкать Люсю в комнату.

– Люсенька, ну иди же, одевайся! Ой, Оля, она у нас такая

нерасторопная, такая медлительная, прям как барсучиха какая... Я вот уже почти одета, только причесочку сейчас поправлю, губки подкрашу...

Люся в комнату не заталкивалась, все лезла к дочери с разговорами, чем сильно беспокоила подругу – а ну как передаст сейчас Ольге, что тут ей Василиса про невест наговорила, тогда ее и правда на свадьбу не пригласят.

– Люся! Иди же одевайся! Оля ждет!.. Оленька, а у вас еще кто-нибудь будет? Я имею в виду, из Володиных знакомых? Ну там декан какой-нибудь или доктор каких-нибудь наук? Мне, конечно, все равно, но вот Люсеньке было бы интересно... Люся! Ну куда ты опять лезешь? Оля, я пойду глазки нарисую, а ты ножкой дверь в комнату держи и не выпускай мамочку, хорошо? А то мы до ночи к вам не попадем.

Ольга затрясла руками и отправила Василису краситься:

– Идите, идите, тетя Вася. Маму я соберу!

Люся собралась быстро, но вот Василиса украшала себя томительно долго. В конце концов, когда она появилась, Люся вздрогнула и с жалостью произнесла:

– Васенька, я напишу Куклачеву, что он для тебя эталон красоты. Этот добрейший человек поймет. И может, даже тебе рубаху свою подарит...

– Мама! – не выдержала Ольга. – Хватит ссориться, Володя уже мне на сотовый два раза звонил. Пойдемте, там все готово.

Василиса и в самом деле очень уважала Куклачева. Она

вообще любила людей, которые с теплотой относятся к животным, однако ж не совсем поняла, как об этом догадалась Люся. Наверняка Василиса опять начала говорить ночью. Нет, как ни верти, а есть в ней, в Василисе, какое-то колдовское зерно!

С гордо поднятой головой и широко накрашенными губами Василиса Олеговна Курицына заторопилась в гости.

Володя уже давно их ждал, в середине комнаты стоял вычурно накрытый стол, а из кухни доносились ароматы чего-то печеного.

– Володя!! – не раздеваясь, кинулась на запахи Ольга. – Ты же всю индейку мне пересушил!

– Я действовал строго по инструкции! – Хозяин в расписном фартуке командовал у духовки. – Вот смотри, здесь написано...

Дамы разделись и чинно уселись за стол. Пусть молодые сами разбираются, им не привыкать. Василиса сидела, вытянувшись железным ломом, и все гадала: додумался ли Володя пригласить кого-нибудь еще, например, из мужчин. Или все это великолепие рассчитано только на четыре желудка? И вообще – можно уже есть или все-таки стоит еще кого-то подождать? Люся никого не ждала. Она вела себя совершенно свободно – то и дело угощала свиным балыком огромных Ольгиных собак – Карла и Атоса, пихала им в пасти кусочки сыра и не переставала удивляться, как быстро собачки глотают лакомство. Потом она ухватила яблоко и попыталась

угостить псин витаминами. К фруктам те относились прохладно, и Люся настойчиво пыталась затолкать в здоровенные пасти яблоко. Короче, проводила время в развлечениях.

– Вот взяла и испортила четкую линию натюрморта с этим яблоком, – прошипела Василиса. – А вдруг кто-нибудь придет...

Она еще хотела пошипеть, надо же себя чем-то занять, но тут звонкой трелью разразился телефон, молодые все еще были заняты новым блюдом, поэтому трубку подняла Люся.

– Алло, это квартира Орфеевых? – защебетал ей в ухо вежливый девичий голосок.

– Ну да, – насторожилась Люся. – А что вы хотели?

– Это вам звонят из фирмы «АртиШок». Вы у нас заказывали на шестое февраля спектакль, помните? Так вот, мне бы хотелось уточнить кое-какие детали... Мы с вами по телефону их обсудим или вы завтра к нам подъедете?

У Люси ухнуло сердце. Едва ворочая губами, она пробормотала:

– Подъедем. Куда?

– Записывайте.

Девушка четко продиктовала адрес, назначила время, извинилась и распрощалась. А Люся еще долго в раздумье смотрела на трубку.

– Мам! Кто там? – крикнула из кухни Ольга.

– Да там этих... Орфеевых спрашивали... – бормотнула Люся.

– Ну и правильно, – появился в дверях Володя. – Орфеевы – это же мы.

Люся мгновенно перестроилась:

– Я и говорю – квартира Орфеевых, а спрашивали... Ефремовых. Володя, ну скоро там уже индеец ваш готовится?

Ольга поспешила к столу с большим красочным подносом.

– Прошу! – радостно сверкала она глазами, вероятно, блюдо удалось на славу. – Налетайте!

– А может, подождем? – не утерпела Василиса. – Ну, вдруг Володя еще кого-то пригласить догадался...

Василиса, как ни была голодна, никогда не забывала об обществе.

– Конечно, Володя пригласил, – успокоила ее Ольга. – Но только они придут чуть позже – прямо на свадьбу. Однако один мужчина нас сегодня все-таки посетит. А вы ешьте, он не будет в обиде, что начали без него.

Вася с облегчением вздохнула и ухватила аппетитное бедро индейки.

Вскоре появился и загадочный мужчина, на которого намекала Ольга. При виде его Васенька перекривилась, фыркнула и даже перестала по-балетному «держаться спинку». Люся и вовсе на гостя не оглянулась.

– Знакомьтесь! – весело представила пришедшего Ольга. – Таракашин Виктор Борисович! Мой отец!

Виктор Борисович смущенно улыбался и крепко прижи-

мал к себе бутылочку малиновой наливки, он ее принес дочери в дар. Бутылочку следовало поставить на стол, но до стола надо было еще дойти, а как дойдешь, если рядом со штанами торчат мохнатые медвежьи морды?

– Пап, проходи, – звала Ольга. – Да не бойся ты их, они не тронут.

– Бойся, – буркнула Люся себе под нос. – Это они путных людей не трогают, а тебя даже наш кот гоняет. Там постой, да и все.

У Люси с Таракашиным были не совсем теплые отношения. Отцом он был никаким, а мужем никогда и не был. В свое время он успешно бросил Людмилу Ефимовну с ребенком, прекрасно жил без них тридцать лет, но в последний год жизнь сделала такой крутой виток, что Таракашин не поленился отыскать свое чадо и прочно прилепился к бывшей возлюбленной. Вполне понятно, что сейчас Люсенька если и терпела его присутствие, то только из внутреннего благородства. Однако Таракашин совсем иначе истолковывал ее отношение к себе и лелеял надежду на совместное проживание. Разумеется, в Люсиной квартире. Ольга же относилась к отцу с жалостью – ну наворотил грехов в молодости, куда теперь его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.